Червонная дама

Автор:
Алексис Лекей

Червонная дама

Алексис Лекей

Комиссар Мартен #1

Алексис Лекей – блестящий мастер детективного жанра, лауреат престижных премий “Французский саспенс” и “Приключенческий роман года”. Признанный писатель, сценарист и режиссер, он переносит свои книги на экран. Его знаменитый сериал “Жюли Леско” держит высочайший рейтинг на французском телевидении уже больше двадцати лет. “Червонная дама” открывает цикл романов – и успешных телефильмов, – названных именами карточных дам. В центре внимания автора женщины и их роль в игре жизни со смертью. Однако подлинный герой этих книг – бесстрашный и обаятельный комиссар Мартен, сыщик от бога и любимец женщин, не менее популярный в сегодняшней Франции, чем комиссар Мегрэ.

Нервы Мартена на пределе – его бывшая жена неожиданно собралась замуж, у дочери сердечная драма, а на службе замучила рутина. Но когда среди бела дня в Париже происходит убийство молодой красивой брюнетки, Мартен устремляется на поиски преступника, и сюжет начинает развиваться стремительно, не позволяя отвлечься ни на секунду.

Алексис Лекей

Червонная дама

© 2009, Editions du Masque, departement des editions Jean-Claude Latt?s

© Е. Головина, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru (http://www.litres.ru/))

* * *

Моим червонным дамам посвящается

Глава 1

С работы она вернулась вовремя и как раз успевала с ужином. Но тут позвонила сестра из Тулузы, они проговорили несколько минут, а потом, ставя на плиту кастрюлю, она обнаружила, что в баллоне кончился газ. Она открутила шланг и присоединила его к новому баллону. Ей надо было приготовить только бешамель – об остальном она позаботилась еще утром.

Бросив взгляд на круглые часы, висевшие над холодильником, она поняла, что уже половина восьмого. Быть того не может!

Сердце ёкнуло.

Деревянная ложка, которой она размешивала соус, задрожала в руке.

Она отбросила ложку, словно обжегшись, и нервно потерла руки. Очень красивые руки, длинные и гладкие, с коротко подстриженными ногтями. Их портил лишь искривленный мизинец на левой руке – след перелома трехмесячной давности. А единственным украшением им служило золотое обручальное кольцо, обхватывавшее основание безымянного пальца так плотно, что снять его было невозможно.

Половина восьмого, а его еще нет. Ее тело – точнее говоря, ее руки – отреагировали первыми.

Сколько она их ни терла, дрожь не унималась. В груди поднималась ледяная волна, подчиняя себе все: внутренности сжимались, словно скукоживаясь, грудь как будто стремилась спрятаться под кожу, а то и вовсе исчезнуть; казалось, еще чуть-чуть – и ноги перестанут ей повиноваться. Но в то же время некая часть ее наблюдала за происходящим с почти насмешливой отстраненностью, сравнивая нынешние ощущения с тем, что ей приходилось переживать раньше.

Она измерила себе пульс. За пятнадцать секунд насчитала тридцать один удар. Значит, сто двадцать четыре в минуту. И сердцебиение только усиливалось.

Другая ее часть, наивная до глупости и глубоко ею презираемая, все еще надеялась, что симптомы обманчивы и ничего страшного не случится, но эта нелепая надежда тоже скукоживалась по мере того, как длинная стрелка отсчитывала секунды, складывавшиеся в минуты.

Ее заставил очнуться запах гари. Прощай, бешамель. Да и кастрюля тоже.

Приступ паники утих мгновенно, как будто его и не было.

Двигаясь как автомат, она быстро выключила газ, бросила в раковину полную кастрюлю с ложкой внутри, нараспашку открыла единственную створку окна и до упора открутила кран. Струя холодной воды пробила толстую серую пленку, образовавшуюся в кастрюле, и вырвала из нее разлапистые хлопья, которые выплеснулись наружу и забили сток раковины.

Вода из крана продолжала течь, заполняя раковину; она смотрела на нее невидящим взором, не понимая, что надо закрутить кран.

Руки, лежавшие на бортике раковины, больше не дрожали. Действуя машинально, она проткнула пальцами пробку из сероватой массы, забившей сток.

Вода уходила, и вместе с ней из головы улетучивались тревожные мысли. Страх ей не поможет. Сопротивление бесполезно. Она давным-давно решила, что не имеет никакого права искать выход из ада, в котором жила.

Почти тотчас же послышалось движение возле двери. Дверь хлопнула, и ее окатило его запахом.

Она закрыла кран и повернулась к нему, готовая ко всему.

Он резко остановился на пороге и втянул ноздрями витавшую в воздухе гарь. Уставился на жену. Она не опустила глаз.

– Что еще ты натворила? – тихо произнес он. – Я уродуюсь на работе, а ты тут устраиваешь…

Он не договорил. Тремя решительными шагами приблизился к ней, одной рукой отпихнул ее в сторону и наклонился над раковиной. Сунул палец в остатки соуса и воздел его кверху.

– Что это за дрянь?

Она не ответила. Зачем?

Он ткнул ей в лицо перемазанным пальцем, пачкая нос и щеки.

– Так и будешь молчать? Ничего мне сказать не хочешь?

Она попятилась назад, но он схватил ее за блузку и дернул к себе – так резко, что у нее клацнули зубы.

– Почему не отвечаешь? А? Я одиннадцать часов горбатился на этой сраной стройке! Хоть словечко-то от тебя я заработал? Про ужин я не говорю. Просто объясни мне, чем я заслужил такое отношение!

Она закрыла глаза. От него несло спиртным, и ее замутило. Искаженное яростью лицо мужа придвинулось к ней вплотную, обдав винными парами. Что будет дальше, она знала и так. Но прежде чем нанести первый удар, ему требовалось найти себе оправдание.

– Зенки открой, по крайней мере, когда с тобой разговаривают!

Она открыла глаза и заставила себя посмотреть на него. Даже искаженное злобой, его лицо оставалось красивым. Светлые с рыжиной, коротко подстриженные волнистые волосы обрамляли широкий и низкий лоб. Крупные, но правильные черты, словно вырубленные из камня. Широкий, красиво очерченный рот, из которого сейчас вырывалось смрадное дыхание. Она знала, что ее палач нравится женщинам. Он и ей когда-то нравился. Она его даже любила.

* * *

Он не всегда был таким. В первое время он ее и пальцем не трогал.

Иногда он пропадал на все выходные. Потом возвращался с видом побитой собаки и, обдавая ее приятным запахом мяты, клялся, что не изменял ей. Она предпочитала ему верить – он был внимательным мужем и явно не интересовался другими женщинами. Ему нравилось, когда она прижимала его к себе, как маленького мальчика, и называла малышом. Он был очень красив и любил, когда она ему об этом говорила. Он подолгу стоял перед зеркалом, любуясь собой, и она находила это трогательным.

Все изменилось, когда она забеременела. “Залетела”, как иногда выражались ее знакомые. В ее случае это дурацкое выражение неожиданно обрело буквальный смысл: она была на четвертом месяце, когда он столкнул ее с лестницы – они тогда в первый раз крупно поссорились, – и она полетела со ступенек. Он утверждал, что она его забросила. Она пыталась возражать, повторяла, что это не так, а если она больше не может заниматься с ним любовью так же часто, как раньше, то всему виной ее положение и плохое самочувствие.

Он с каждым днем делался все мрачнее и молчаливее и взял привычку исподтишка разглядывать ее живот, как будто ее беременность была какой-то отвратительной болезнью и личным выпадом против него. Тем не менее они говорили о будущем ребенке, и ей казалось, что он мечтает о нем не меньше, чем она.

Несмотря на падение с лестницы, ребенка она сохранила. Следующие несколько дней он демонстрировал раскаяние, и в конце концов она убедила себя, что это была просто случайность.

Он больше не притрагивался к ней до самых родов, но постепенно она догадалась, что он воздерживается от близости с ней не потому, что щадит ее или испытывает угрызения совести, а потому, что ему противно.

Он всегда любил выпить, но теперь, все позже возвращаясь с работы, уже не сосал мятные леденцы, чтобы забить запах спиртного. Она поняла, что его долгие исчезновения по выходным – когда она еще не ждала ребенка – объяснялись тем, что он где-то напивался. Разница заключалась в том, что он больше не считал нужным таиться.

Накануне родов он опять пропал и вернулся только через десять дней.

Он плакал и просил у нее прощения. Он сам не знал, почему ушел, помнил только свой страх. Он боялся, что она его разлюбила, что он для нее больше не существует.

Раньше она никогда не видела, чтобы он плакал. Ее это потрясло, и она решила забыть прошлые обиды. Он изменился. Он стал другим. Они долго стояли обнявшись и заливались слезами.

Немного успокоившись, он посмотрел на нее с улыбкой, и в его взгляде вспыхнул знакомый огонек.

Она еще не оправилась после родов, но это не имело значения. Какая чепуха! Главное, что они снова семья.

Он обнял ее и зарылся лицом ей в шею.

Потом отступил на шаг и с радостным изумлением потрогал ее грудь. Она была у нее красивой формы, но небольшая, а теперь увеличилась на три размера.

Ей хотелось показать ему ребенка, но что-то подсказало ей, что не надо сразу вести его в детскую. Ее беременность была для него таким шоком.

Он расстегнул на ней блузку, сунул руку за бюстгальтер и нежно погладил набухшую левую грудь, слегка зажав пальцами сосок. На его лице появилось выражение детского восторга, снова умилившее ее. Она никогда не видела его таким.

Она застонала. Он поднял ее на руки и отнес в постель. Она опять влезала в свои старые джинсы 38 размера, чем немало гордилась. Он расстегнул первую пуговицу и, резким движением сдернув ее на бедра, уткнулся носом и бородой в ее еще дряблый после родов живот, провел языком по пупку и спустился ниже. Она снова застонала, обхватила руками его голову и притянула к себе, к своему лицу. Она чувствовала такое же возбуждение, как и он.

Покрывая поцелуями его губы, щеки, нос и подбородок, она просунула руку между ним и собой, скользнула пальцами по его твердому животу, проникла за ремень брюк и обхватила его трепещущий разгоряченный член.

Теперь застонал он.

Никогда еще она не испытывала такого желания. Она резко дернула правой ногой, сбрасывая стесняющие ее джинсы, оперлась на пятки, выгнула спину и как могла широко раздвинула колени. Это был ее мужчина, и она хотела получить его всего целиком. Его ягодицы были такими твердыми, что ее пальцы соскальзывали с них. Она куснула его в шею, и в этот самый миг он одним

движением вошел в нее, сразу и глубоко. Она издала хриплый крик и неистово обвилась ногами вокруг его талии.

И тут заплакал ребенок.

Она почувствовала, как лежащий на ней мужчина вздрогнул и отстранился от нее.

Она пыталась удержать его, но он высвободился и перекатился на бок.

– Иди ко мне, – сказала она. – Иди. Он просто проголодался. Ничего страшного. Он немножко подождет.

Он лежал, молча уставившись в потолок.

Она оперлась на локти и положила голову ему на живот. Его возбуждение спадало на глазах. Она взяла в руку его полуувядший член и приблизила к нему лицо, но он оттолкнул ее с такой силой, что она упала с кровати.

Он рывком поднялся, натянул штаны и вышел из комнаты, даже не оглянувшись.

В следующие несколько месяцев он начал ее бить. Сначала просто отвешивал оплеухи. Потом стал пускать в ход кулаки. Бил в живот. Бил по спине. Не хотел оставлять следов.

Ей было так стыдно, что она никому не обмолвилась об этом, даже сестре.

Один раз она попыталась уйти от него, собрала чемодан и взяла ребенка, но он догнал ее на вокзале и принудил вернуться.

– Ты уйдешь только тогда, когда я тебе разрешу. Не раньше.

Она уступила, испугавшись, что он выместит зло на ребенке.

Он избивал ее примерно раз в неделю, но больше не сделал ни единой попытки с ней переспать. Ребенок для него просто не существовал. Он не смотрел на него,

никогда не брал на руки, может быть, даже не знал, как его зовут.

До того самого дня, когда через восемь месяцев после родов он вошел в детскую, достал из кроватки своего сына и швырнул его об стену. Она даже понять не успела, что происходит. Три с половиной часа спустя ребенок умер в больнице.

Она подтвердила, что это был несчастный случай. Врач и полицейские, которым поручили расследование, смотрели на нее с ледяной недоверчивостью.

– Я тебе не верю! Это он! – позже сказала ей возмущенная сестра. – Зачем ты это делаешь? Зачем покрываешь эту сволочь?

– Я никого не покрываю. Это был несчастный случай. Я виновата так же, как он.

Она и дальше всегда стояла на своем. Правду она открыть не могла – по причине, казавшейся ей вполне очевидной, хотя даже родная сестра была не в состоянии ее понять.

Если бы его посадили, она осталась бы одна. Свободной распоряжаться своей бесцельной жизнью. Она не могла простить себе, что не чуяла беды и не уберегла своего ребенка. Она считала себя виноватой. В гораздо большей степени, чем он. И заслуживала самых жестоких побоев. Она не имела права жить. Но она была трусихой. Ей не хватало мужества покончить с собой. Но она знала, что в один прекрасный день он изобьет ее так, что она больше не поднимется. И тогда все кончится. Надо просто еще немножко потерпеть.

* * *

Первый удар кулака пришелся чуть ниже талии. В животе взорвался огненный шар. Она согнулась пополам, у нее перехватило дыхание. Второй удар попал в висок. Она пошатнулась, налетела на буфет и упала на колени.

Все тело было как ватное. Оглушенная, она, как ни странно, не потеряла способности ясно мыслить. Особенной боли она не чувствовала. Пока не чувствовала. Обычно, если она не шевелилась, он отпускал ей еще пару ленивых

затрещин и унимался – перед ее безразличием его пыл быстро угасал. Но с этим пора кончать. Она попыталась встать. Оперлась руками об пол, уцепилась за край стола и заставила себя выпрямить ноги. Следующий удар как будто полоснул ей живот кинжалом, и она не сдержала крика. Кажется, он что-то ей сломал. Наверное, сейчас осколок ребра поднимается к сердцу. Может быть, это и правда конец…

Новый удар.

Твердо стоя на массивных ногах, он замахивался кулаком, чтобы пригвоздить ее к ковру. Она закрыла глаза и стала ждать. Но удара почему-то не последовало.

Она разлепила веки. Он смотрел на нее с выражением любопытной недоверчивости. Внезапно ее обожгла ужасная догадка – он понял, что она задумала. Она хочет, чтобы он ее убил. Но как он узнал? Из ее глаз хлынули слезы отчаяния. А ведь она никогда не плакала при нем.

Он улыбнулся. Теперь у нее не осталось сомнений. Он знает.

Собрав остатки сил, она бросилась на него. Он с легкостью отстранился, и она снова рухнула на пол.

– Ах ты, сучка, – пробормотал он. – Вот ведь сучка! Вот, значит, о чем ты мечтаешь. Самой сдохнуть, а меня чтобы упекли в тюрягу? Так, что ли?

Она с трудом повернула голову и посмотрела на него. Бешенство исказило его черты, заставив сузиться зрачки. У нее мелькнула надежда – вдруг он не совладает с собой. Несколько секунд она наблюдала, как он отчаянно борется с непреодолимым желанием размазать ее по стенке, наказать за преступные мысли. В его глазах бушевала ярость. Сейчас он ее прикончит.

В этот миг он краем глаза поймал в балконной двери свое отражение. Вылитый ковбой. Поборник справедливости. Захоти он – мог бы сниматься в кино. Мать как-то сказала ему, что он похож на Джонни Холлидея. Он отступил на шаг. Злоба отхлынула с его лица, опустившись куда-то внутрь, в печенки. На нем появилось расчетливое и почти веселое выражение. Она завыла. Все пропало. Она попыталась выговорить оскорбление пообиднее, но губы ее не слушались.

– Не думай, что перехитришь меня.

Он вышел, и она отключилась.

Когда она очнулась, то сквозь туман медленно возвращающегося сознания услышала, как он напевает, стоя под душем.

Она осторожно ощупала себя. Все тело болело, но, кажется, ничего не сломано.

Отныне он будет бить ее, контролируя силу каждого удара, расчетливо и методично. И никакой надежды, что однажды он ее убьет.

Ад, в котором она живет, не кончится никогда.

Глава 2

Вот уже две недели он ее не бил. Не потому, что ему не хотелось. Нет, он боялся ее. Ему понадобилось несколько дней, чтобы примириться с этой ужасающей в своей очевидности мыслью. Он приходил домой поздно, с каждым вечером все позже, и старался не оставаться с ней в одной комнате. Спал на диване в крошечной гостиной, перед телевизором. И очень много пил.

Долго так продолжаться не могло. Нужно было что-то придумать.

Когда он вспоминал, на что она едва не спровоцировала его, у него по спине пробегал холодок. Сука паршивая. Надо от нее избавиться. Вышвырнуть ее из своего мира.

Но нет. Слишком опасно. Если она настолько зациклилась на том, чтобы его уничтожить – сама готова сдохнуть, лишь бы он загремел на нары, – значит, найдет другой способ с ним расправиться. Тварь хитрожопая.

Временами ярость обуревала его с такой силой, что перед глазами все расплывалось. Ему стоило немалого труда противостоять желанию избить ее до смерти, но он думал о своей матери, о том, что бы она ему сказала, и сам себя урезонивал. Он обязан контролировать свои поступки. Иначе эта потаскуха добьется своего и его погубит. Запросто.

По зрелом размышлении у него оставался один-единственный выход. Он должен избавиться от нее раз и навсегда. Она умрет. В конце концов, разве не об этом она мечтает? Но она умрет так, что никто никогда не обвинит его в причастности к ее смерти. Ни у кого и тени подозрения не возникнет. У него будет железное алиби.

Когда-то давно он уже нашел способ отомстить человеку, нанесшему ему обиду. Он очень долго думал, но в итоге разработал идеальный план. Осуществить его оказалось нелегко, но у него все получилось. Его враг умер, а он вышел сухим из воды.

На сей раз перед ним стоит задача потрудней. Защищать его больше некому, и, допусти он малейшую ошибку, вопросов не избежать. Лишних вопросов. Они снова вытащат на свет божий мутную историю с гибелью младенца. Его арестуют. Посадят в камеру предварительного заключения. Хозяин его выгонит. А потом, даже если они не найдут против него никаких доказательств, ему придется немало попотеть, чтобы найти новую работу. Не исключено, что придется уехать. Далеко, очень далеко. Слухи распространяются быстро.

Значит, надо все хорошенько обдумать. И не торопиться.

По вечерам он не спешил с работы домой. Уже довольно давно он снимал в паре километров от дома бетонный гараж, примыкавший к огородам, на которых возились пенсионеры. В гараже он хранил свое сокровище – темно-синюю трешку БМВ с форсированным двигателем и тюнингом а-ля “Хартге”. Внутри гаража у него был оборудован верстак и имелся набор инструментов. Он многие сотни часов провел, колдуя над своей машиной. И никогда не ездил на ней на работу.

Глухой рокот мотора оставался единственной в мире музыкой, способной ненадолго пригасить его ненависть и гнев.

Он выводил автомобиль из тайника и отправлялся кататься. Он ехал медленно, небрежно выставив левый локоть из окна, и с нарочито равнодушным видом наслаждался завистливыми взглядами пешеходов и других водителей, время от времени бросая взгляд на собственное отражение в зеркале заднего вида. В эти минуты он душой и сердцем ощущал гармонию с самим собой.

Он на малой скорости объезжал пригород. Когда начинало темнеть, он где-нибудь останавливался. Обычно на парковке у съезда с автомагистрали.

Но теперь он стал кататься не просто так. У него появилась цель. Он выключал мотор и часами сидел, рассеянно постукивая пальцами по рулю, попивая пиво и обдумывая свой план, который постепенно обретал все более реальные черты. Шум проносящихся мимо легковушек и грохот срывавшихся с места грузовиков действовал на него убаюкивающе.

Почему? Вот вопрос, на который он должен в первую очередь найти ответ. Почему кто-то еще, помимо него, хочет от нее избавиться? На этой идее основывался весь его план. Полицейские – не дураки. А уж ее сволочная сестрица постарается навешать на него всех собак. Значит, необходимо с самого начала отвлечь внимание следователей от его персоны. И немедленно подсунуть им удовлетворительный ответ на самый главный вопрос: почему?

Проблема заключалась в том, что у нее – если не считать его самого – не было врагов. Может, на работе? Он испытал мимолетное сожаление: увы, он понятия не имел, с кем она работает и чем там занимается. Ладно, плевать. Никакой служебной ссорой убийство не объяснишь. Надо придумать что-то еще.

Может, нанять кого-нибудь, кто сделает за него грязную работу?

Нет, слишком рискованно. Правда, у него имелась пара-тройка знакомцев, способных не только замочить клиента, но и получить от этого удовольствие, но он не располагал достаточной суммой, чтобы с ними расплатиться. Но даже будь у него деньги, он не мог никому довериться. У людей длинные языки. Хороший удар в морду, желание похвастаться перед подружкой или приятелем, сделка с легавым… Нет. Более чем рискованно.

Его взгляд случайно упал на рваную киноафишу, болтавшуюся на заборе, и тут его осенило. Это еще не было решение, но он понял, что нашел первую зацепку.

Афиша была темной, выполненной в красных, черных и темно-синих тонах. На ней угадывался стройный силуэт женщины с красивыми ногами, в туфлях на высоких каблуках – на них падал свет одинокого уличного фонаря, – убегавшей куда-то в ночную тьму. Того, кто гнался за ней, художник не нарисовал, но и так было ясно, что женщину кто-то преследует.

Женщины самой природой предназначены на роль жертв. Уж кому-кому, а ему это отлично известно. Принадлежавшая ему женщина была хорошенькой – с бледной кожей, тонкими чертами лица, длинными ногами. Мерзавка и извращенка – это да, но фигурой очень похожа на актрису с афиши и вполне могла бы понравиться мужчине, который ее не знает. Понравиться настолько, что он бы за ней пошел. И попытался бы познакомиться.

Вот она выходит с работы. Между вокзалом и домом есть по меньшей мере три места, где ее мог бы поджидать злоумышленник.

Но для того, чтобы полиция не обратила на него внимания, он должен подкинуть им другой след – более интересный и убедительный.

Какой? Он опять и опять возвращался к одному и тому же вопросу. Надо подумать.

И тут вдруг он улыбнулся.

Смутная поначалу мысль постепенно обретала форму. Пока она наполнялась конкретным содержанием – почти без его участия, вроде бы сама по себе, как это свойственно всем здравым мыслям, – он осознал всю гениальность плана. Никто до него и вообразить не мог ничего подобного. Он не просто красив. Он еще и очень умен.

Его немного огорчало лишь одно: он никогда и никому не сможет рассказать, как он хитер.

Глава 3

Комиссар Мартен в стотысячный, должно быть, раз за свою жизнь подумал, до чего же он ненавидит урлу.

Особенно когда на улице жара. А сегодня было очень жарко. И ни намека на кондиционер не только у него в кабинете, но и на всех пяти этажах здания.

Больше всего его бесила не их жестокость, не их безнравственность и не отсутствие порядочности даже по отношению к собственным подельникам и родне. Больше всего его выводила из себя их поразительная, непроходимая тупость, сравниться с которой могла разве что узколобость, отсутствие воображения и полная неспособность к логическому мышлению некоторых полицейских и судей. Если бы не это печальное обстоятельство, все бандюганы давным-давно сидели бы за решеткой.

Даже когда им удавалось уйти от справедливого наказания, они не понимали, до какой степени им повезло. И вместо того чтобы залечь на дно, тут же принимались за старое.

Перед ним сидел Поль Мерсье, он же Пауло Луна, обязанный этим прозвищем своей физиономии – круглой, бледной и пористой. Сейчас он таращил на него глаза, изо всех сил изображая оскорбленную невинность.

– Говорю вам, я с корешами был, – брызжа слюной, кипятился он. – С пятью корешами. Мы в покер играли. Кстати, я продул. Как их звать, я вам сказал. Можете сами у них спросить. Так что это точно не я. А этот чувак просто на меня похож, вот и все.

Три свидетеля опознали в нем грабителя, совершившего налет на ювелирный магазин в III округе (он не сумел даже дотерпеть до “мерседеса” с тонированными стеклами, угнанного за восемь часов до налета, сорвал с лица маску и сладострастно почесал нос). За месяц это было уже третье ограбление, совершенное Пауло и двумя его дружками (которые в данный момент ожидали в соседнем кабинете, прикованные наручниками к стене). Но они не просто грабили. Они уводили с собой жертв налета: мужчин избивали, женщин избивали и насиловали. Они были очень глупыми и очень злобными.

Мартен вздохнул.

– Из твоих пятерых корешей трое на условно-досрочном, – сказал он.

– Ну и что? Это еще не значит, что они врут!

– Скажи-ка, Пауло, ты когда-нибудь слышал выражение “нарушение норм поведения”?

– Да нет, – недоуменно протянул Пауло.

– Если тебя выпускают из тюрьмы условно-досрочно, – терпеливо объяснял Мартен, – то одна из вещей, делать которые ты ни в коем случае не должен, это участие в азартных играх. Игра на деньги и есть нарушение норм поведения. Именно такой точки зрения придерживается служба исполнения наказаний.

– Да ладно! Вы же не станете к ним цепляться из-за такой ерунды?

– Я-то не стану. А вот судья точно прицепится.

Он поднял телефонную трубку и набрал городской номер.

– Добрый день, Одиль. Это комиссар Мартен. Господин судья у себя? Очень хорошо. Попросите его, пожалуйста, мне перезвонить.

Пауло Луна побледнел немного больше обычного.

– Вы этого не сделаете, – взвыл он.

– Почему? – удивился Мартен. – Да ты не расстраивайся. Если у твоих дружков хватит мозгов, они скажут, что знать тебя не знают, и даже мы не сможем доказать обратное. Но твое алиби разлетится в пыль. И ты сядешь. Пока ты будешь париться на нарах, они через адвокатов свяжутся со своими друганами, а уж те о тебе позаботятся. У тебя в тюрьме будет не репутация, а блеск. Пауло-стукач.

Пауло шумно сглотнул. Он знал, что Мартен не шутит. Убить его, может, и не убьют, только от этого не легче.

– Я сказал не всю правду, – попытался вывернуться он. – В тот вечер я не был с корешами. Да я, если честно, вообще в покер не играю.

– А где же ты был?

– Не могу сказать. Не имею права. Это с моей стороны было бы некрасиво.

– Да ну?

Мартен замолчал, и в комнате повисла тишина. Испытанный тактический прием, каких в его арсенале имелось немало. Пауло нервно заерзал на стуле.

– А если я вам скажу, у нее не будет неприятностей?

– У кого? – все так же спокойно спросил Мартен.

– У Аниты. В смысле, у Анни. Анни Берже. Мы с ней одно время жили вместе. И мне не хотелось бы причинять ей беспокойство. Она сейчас приличная женщина, свое кафе, муж, все дела… Но иногда мы встречаемся. Типа вспоминаем старое. Ну, сами понимаете. Если будете ее допрашивать, постарайтесь, чтобы ее муж ни о чем не узнал.

Мартен кивнул:

– Очень похвально с твоей стороны, Пауло. Мы расспросим эту женщину с максимальным тактом. Так что не волнуйся.

Пауло издал вздох радостного облегчения. Опаньки! Вот как все просто. Его задержали почти двадцать часов назад – без нескольких минут. А в коридоре уже наверняка сидит его адвокат с портфелем на коленках. Надо только шепнуть ему пару слов насчет Аниты. Не зря он про нее вспомнил. Анита не из тех, кто расколется перед первым попавшимся легавым. Она согласится дать показания. Тетка под пятьдесят, с варикозными ногами – Пауло сроду с ней не трахался и впредь не собирался, но это не важно. Она подтвердит его слова, а

он потом с ней расплатится. Она его не подведет.

Звонкая оплеуха застала его врасплох.

Он не сдержался и вскрикнул от боли.

Мартен уже снова сидел за столом, как ни в чем не бывало сложив руки возле ноутбука.

– Извини, нечаянно вышло, – с любезной улыбкой проговорил он. – Просто мне показалось, что ты отвлекся. А я хочу тебе кое-что показать.

Он встал, схватил Пауло за плечо и увлек его за собой в коридор. Довел до небольшой двери, открыл ее и запер за собой.

Они очутились в каком-то помещении, похожем на шкаф и пропахшем пылью. На стене перед ними что-то блестело отраженным светом. Пауло сжался и втянул голову в плечи, опасаясь худшего.

Внезапно бликующий прямоугольник вспыхнул ярким светом. Чудо объяснялось просто – Мартен нажал кнопку в стене. Пауло заморгал глазами, но по мере того, как его глаза привыкали к смене освещения, удивление на его лице сменялось откровенным страхом.

Прямо перед ним, по ту сторону прозрачной перегородки, сидели, прикованные наручниками к стене, оба его подельника, изучая тоскливыми взглядами залитый неоновым светом потолок.

– Мы можем говорить, – сказал Мартен. – Они нас не слышат. Мне точно известно, что главарь не ты, Пауло. Главарь – вон тот, со шрамом на лбу, старший из братьев Огаль.

– Я их не знаю, – слабо запротестовал Пауло.

– Ну, как хочешь.

Он снял с него наручники:

– Все, ты свободен.

Пауло подозрительно покосился на него, нутром чуя, что его заманивают в старую как мир, но все еще исправно действующую ловушку.

– Что, правда? Я могу идти?

– Я же тебе сказал.

Мартен подтолкнул его к выходу:

– Давай, проваливай.

Но Пауло не решался просто взять и уйти.

– Постойте, постойте. А что вы им скажете? Что я их сдал, так, что ли?

Мартен повернулся к нему спиной и двинулся к своему кабинету, по пути рассеянно поздоровавшись с выходившим из лифта коллегой.

Пауло на миг задержался взглядом на кабине лифта, двери которой медленно закрывались, и бросился вслед за Мартеном.

– Так нечестно, – заныл он. – Они меня уроют! У Огалей есть еще три брата! Они мне кишки выпустят!

– Ну, я не могу помешать им делать выводы, – почти не замедляя шага, проговорил Мартен. – Все, проваливай отсюда.

Пауло замолчал и остановился понурив голову. Потом медленно пошел к лестнице, спустился на несколько ступенек, но, почувствовав, что ноги его не держат, присел. У него кружилась голова. Он понимал, что отныне он – труп и никто на свете не в силах вернуть его к жизни. Он не сдал братьев Огаль, но они решат, что он их сдал. Ему ни за что не убедить их в том, что они ошибаются. В любом случае, когда его придут убивать, он и слова не успеет сказать в свое оправдание. Он встал. Жизнь полна несправедливости, но что он против этого

может?

К концу рабочего дня Мартен решил на часок заглянуть в качалку. После многочасового сидения за столом ему настоятельно требовалась физическая разрядка. Он достал из шкафа спортивную сумку и убедился, что все необходимое в наличии.

Его тревожила оплеуха, которую он влепил Пауло. Он никогда раньше не бил подозреваемых. Этот жест вырвался у него помимо воли, что его немного пугало. Он огорчался не столько тому, что ударил Пауло, сколько тому, что утратил самоконтроль. Значит, с ним что-то не так – догадываться об этом он начал уже давно, и сегодняшнее происшествие лишь подтвердило его опасения.

В спортзале, как всегда по вечерам, народу будет битком, но он займет свободный тренажер и покачается. Судья из службы исполнения наказаний так ему и не перезвонил – по той простой причине, что Мартен к нему не обращался. Проходя мимо кабинета Жаннетты, Мартер сунул голову в дверь и поблагодарил ее за помощь. Вместо ответа она одарила его широкой улыбкой.

В бакалее на углу он купил бутылку минералки и слойку с фруктами, сжевал пирожок, запил парой глотков воды и убрал бутылку в сумку.

В вестибюле спортзала дежурная напомнила ему, что у него скоро заканчивается абонемент.

Почти все вешалки в раздевалке были заняты. Мартен нашел свободный крючок, разделся, натянул спортивные трусы и бесформенную майку, убрал в шкафчик ключи и документы, оставив при себе только хронометр, бутылку воды и мобильник. Пистолет и полицейское удостоверение он убрал в бардачок машины, запиравшийся на ключ, – привычная предосторожность.

Народу в зале действительно было под завязку. Он издалека поприветствовал трех других посетителей и за руку поздоровался с тренером. Окинув беглым взглядом помещение, он обнаружил, что, как ни удивительно, его любимый силовой тренажер свободен. Надо думать, ненадолго. Если он начнет с

разминки, его точно займут.

Значит, обойдемся без разминки.

Он пошел прямо к тренажеру и принялся за серию из пятнадцати упражнений, даже не потрудившись сменить установленные на нем гири.

Вокруг звучала тихая музыка, заглушаемая шумом разговоров и механическими поскрипываниями снарядов. Он сосредоточил взгляд на пятне на потолке и отключил все мысли.

Ему было хорошо. Он чувствовал себя словно перенесенным во вневременное пространство, где существовало только физическое усилие, а мозг практически не функционировал.

Закончив серию, он приподнялся. Поймал собственный взгляд в большом зеркале, занимавшем всю противоположную стену, и тут же отвернулся. Ему не нравилась его внешность: сорокапятилетний здоровяк, он сам себе напоминал массивный булыжник на пляже. В сидячем положении он казался толще, чем был на самом деле. И не мог не понимать, что булыжник только выглядит монолитным, тогда как уже пошел трещинами. Особенно изнутри. Он усмехнулся. Да уж, удачный образ, ничего не скажешь.

Какой-то мужчина атлетического сложения с удовольствием разглядывал в зеркале свое отражение, и Мартен в очередной раз убедился, что мужчины смотрятся в зеркало гораздо чаще, чем женщины.

Напротив него симпатичная брюнетка в черных колготках и обтягивающем боди качала пресс, с невольной непристойностью разводя закрепленные в тренажере ноги под углом в почти 180 градусов, а затем снова с усилием сводя их вместе; ее лицо с закрытыми глазами было обращено вверх, на голове были наушники от плеера, а шею и челюсть свело от напряжения. Под туго натянутыми колготками на ней, судя по всему, больше ничего не было. Мартен торопливо отвел взгляд – не хватало еще, чтобы его приняли за вуайериста.

Передышка закончилась. Мартен размял трицепсы, последовательно вытягивая руки кверху и отводя предплечья как можно дальше назад, за спину, после чего взял две гири по двадцать килограммов, прикрутил их к штанге и улегся на

скамью, упершись ногами в пол, готовый выполнить еще одну серию из двенадцати упражнений. Он сосредоточился, сделал глубокий вдох и резким толчком поднял восемьдесят килограммов груза.

В этот миг сердитым шмелем зажужжал его мобильник.

Мартен не собирался бросать тренировку и довел всю серию до конца. Затем опустил штангу на подставку и схватил мобильник ровно в ту секунду, когда тот замолчал. Однако Мартен успел прочитать мелькнувший на экране номер комиссариата.

Глава 4

Когда Мартен прибыл на место преступления, вокруг тела уже хлопотали криминалисты, которым помогал молодой парень из Института судебной медицины. Полицейские в форме с двух сторон перегородили улицу и отгоняли зевак.

Жертва лежала возле серой шероховатой стены. Это была молодая женщина с бледной кожей и длинными темными волосами.

Мартен мысленно поправил себя: она не лежала. В ее позе не было ничего, что напоминало бы об отдыхе или удобстве. Лежа на левом боку с полусогнутыми ногами, забросив левую руку назад, а правую вперед, она казалась застигнутой на месте бегуньей. Обманчивое впечатление. На самом деле она не успела не то что убежать – даже отскочить от своего убийцы.

Одну туфлю она потеряла (та валялась сзади, примерно в метре от тела), а другая по-прежнему оставалась на ноге – элегантная лодочка на шпильке.

Прямая юбка из плотной коричневой ткани задралась, обнажив бедро. Чулок она не носила. Стройные, красивые ноги покрывал легкий загар. Эти ноги еще казались полными жизни, но они уже никогда не смогут ни ходить, ни бегать. Внутри молодого тела, созданного, чтобы прожить еще десятки лет, кровь перестала струиться, и даже если оно еще так походило на живое, в нем уже

шел отвратительный процесс органического разложения.

На шее у нее висело золотое или позолоченное ожерелье из крупных колец, правое запястье обхватывали два золотых браслета, левое – маленькие золотые часики. На безымянном пальце левой руки – перстень с бриллиантом и золотое обручальное кольцо.

Для этой женщины такие вещи, как помолвка и свадьба, были не пустым звуком. В то же время она не отказывалась от невинного кокетства и выглядела сексуально привлекательной, хоть и без всякого вызова. На левой щиколотке у нее красовалась золотая цепочка.

Во рту, чуть приоткрытом, виднелись ровные, красиво посаженные зубы с почти прозрачной эмалью и кончик белого языка. Глаза у нее были закрыты, и Мартен почему-то испытал странное чувство облегчения. Во взгляде мертвых ему чудился какой-то смутный призыв, и, не умея на него ответить, он старался его избегать.

Из ее шеи натекла густая струя венозной, уже начавшей сворачиваться крови, склеившая темные пряди волос, заполнившая щербинки на мостовой и исчезнувшая под мусорным баком, чтобы вновь появиться в добрых двух метрах и собраться в конце пути в черную лужу.

Заместительница прокурора, высокая девица в туфлях без каблука, подошла к нему и встала возле тела, прижимая к себе, словно щит, черную сумочку. Новенькая. Мартен ее не знал. Она смотрела куда угодно, только не на убитую женщину. В конце концов, решив побороть страх, она опустила глаза к телу и мгновенно позеленела лицом. Переступила с ноги на ногу. Она не заставила себя просить дважды и с готовностью испарилась, едва Мартен сказал ей, что сам все сделает, а ей позвонит, как только будут получены первые результаты.

– Прямо здесь ее и убили, – безапелляционно заявил молодой эксперт из Института судебной медицины. – Она сделала пару шагов и упала. Тело не передвигали.

– Можете назвать время смерти? – спросил Мартен, обменявшись коротким взглядом со своей сотрудницей Жаннеттой, с которой с утра не виделся.

– Восемнадцать ноль-ноль, не позже, – так же категорично произнес парень. – Стрела попала в яремную вену…

– Стрела?

Еще один молодой парень с красивыми темными кудрями гордо протянул ему пластиковый пакет, изнутри перепачканный кровью. В нем лежала короткая, судя по виду, металлическая стрелка. Нет, не стрелка, мысленно одернул себя Мартен. Это был арбалетный болт с металлическим древком. Наконечник был немного изогнут.

– Кто позволил вам прикасаться к этому предмету до моего прихода? – не в силах сдержать гнев, проговорил он.

Парень сглотнул слюну и ткнул пальцем в очерченный мелом белый круг неподалеку от стены:

– Она там валялась. Я не думал…

Мартен, ни слова не говоря, повернулся к нему спиной и ушел. На душе у него кошки скребли. Не только бандитам свойственна глупость, в чем он только что в очередной раз убедился. Он дал себе слово, что пожалуется его начальнице Билье. И если парень схлопочет нагоняй, то так ему и надо.

Жанна, которую все на работе звали Жаннеттой, протянула ему сумку, обнаруженную возле тела жертвы.

– Секунду, – сказал он, натягивая прозрачные перчатки.

Содержимое красной кожаной сумки составляли толстый ежедневник темно-красной кожи “под крокодила”, из того же материала бумажник, упаковка таблеток, проездной, небольшой несессер для макияжа, крошечная адресная книжка, заполненная мелким, почти нечитабельным почерком, роман Мюриэл Спарк в карманном издании, включенный и полностью заряженный мобильный телефон, две связки ключей, одна из них – от машины, тюбик губной помады, более или менее мятые бумажки, в том числе две банковские квитанции, два билета на концерт, чек на пару обуви (туфли, что были на ней?), мелочь,

квитанция за отданные в печать фотографии и прямоугольный кожаный футляр с визитками на имя Армель Деплеш.

В бумажнике лежали кредитная карта, удостоверение личности и водительские права на то же имя, абонемент в бассейн, фотография малыша, шестьдесят евро в новеньких купюрах по двадцатке, очевидно полученные в банкомате, чек на эти шестьдесят евро, две визитки с двумя разными мужскими именами и названиями фирм.

– Похоже, мотив убийства – не ограбление, – заметила Жаннетта.

– С каких это пор воры убивают своих жертв арбалетными болтами? – отозвался Мартен.

Завтра будет вскрытие, но Мартен уже сейчас догадывался, что оно мало чем ему поможет. Женщину явно не насиловали, даже не били, но все равно – ни один насильник, равно как и вор, не нападает на людей с арбалетом. На самом деле, подумал Мартен, арбалетом в качестве орудия убийства никто не пользуется последние несколько сотен лет.

Несмотря на теплую погоду, Мартен поежился.

Он достал карту района. Женщина жила в четырехстах метрах от того места, где ее убили. Проход, где ее нашли, находился на кратчайшей от метро до ее дома дороге. Это означало, что убийца ее поджидал. Выследил, как охотник дичь, и убил.

Сделав это заключение, Мартен наконец проявил интерес к месту преступления.

Она едва успела ступить на улочку, когда перед ней возник убийца. Арбалет может стрелять на расстояние до пятидесяти метров, но Мартен готов был держать пари, что преступник воспользовался моделью меньшей дальности и размера, – длина болта не превышала пятнадцати сантиметров.

Убийца, должно быть, стоял – Мартен не сомневался, что это был мужчина, – метрах в десяти от жертвы, вряд ли дальше: ему самому приходилось в жизни тренироваться в стрельбе из разных видов оружия, и он знал, что точность

попадания в цель из арбалета оставляет желать лучшего, даже если стрелок невероятно умел.

Мартен пошел по улочке, считая шаги и оглядываясь вокруг. В десяти метрах от тела обнаружился подъезд. Мартен попытался толкнуть дверь. Бесполезно. Дом стоял заколоченный. На видном месте красовалось предупреждение: вход воспрещен, за нарушение штраф. Возможно, мужчина прятался под козырьком подъезда, но что он сделал потом? Надежды на то, что на булыжной мостовой обнаружатся следы его ног, практически не было. Но Мартен на всякий случай окликнул одного из криминалистов, попросил карандаш, прижался спиной к двери подъезда и нацелился карандашом в сторону тела. Хотя мог бы воспользоваться служебным пистолетом, посеяв вокруг шумную панику.

Вдруг он вздрогнул. Галлюцинации у него, что ли? На стене, прямо над телом убитой женщины, был грубо набросан мелом человеческий силуэт. Вернее сказать, верхняя половина туловища.

С более близкого расстояния разглядеть рисунок не удавалось.

Жаннетта с недоумением смотрела на него, не осмеливаясь спросить, почему он уставился на стену.

– Ты ничего не видишь? – спросил он.

Она подошла поближе:

– Что ты имеешь в виду? Какие-то белые полосы… Похоже на мел.

– А теперь посмотри на них от двери подъезда. И скажи, что ты об этом думаешь.

Когда она снова вернулась к нему, он показал ей щербинки в стене, на высоте примерно полутора метров от земли. Все они приходились на тот небольшой участок, где у нарисованной фигуры была шея.

– Черт, да он тут тренировался! – воскликнула она.

– Ты знаешь, что дальше делать, – отозвался он. – Бери Оливье, Ренара и Добрински. Немедленно начинайте опрос соседей. А я пойду к ней домой.

Глава 5

Ему открыл муж убитой. Если бы Мартена спросили, что в его работе самое отвратительное, он ответил бы, что отвратительного в ней так много, что сразу и не выберешь. Видеть, как преступник уходит от наказания? Присутствовать при вскрытии тела замученного ребенка? Впрочем, по зрелом размышлении, он сказал бы, что хуже всего – во всяком случае, для него – это смотреть в глаза близким родственникам жертвы и сообщать им о случившемся. Всякий раз у него возникало ощущение, что часть вины лежит и на нем. Наверное, поэтому он так ненавидел убийц.

Муж грохнулся в обморок. Мартену пришлось тащить его на диван и вызывать “скорую”. Он сидел рядом, держа беднягу за руку, пока не подъехала бригада. Мужчину увезли в больницу. Он впал в полную прострацию, почти в ступор.

Фургон “скорой” еще не успел завернуть за угол улицы, а Мартен уже принялся внимательно осматривать квартиру. Даже если бы он наткнулся на многообещающую улику, тот факт, что обыск он проводил незаконно и без понятых, не позволил бы ему воспользоваться находкой; хотя, с другой стороны, любая мелочь могла бы направить следствие в нужное русло. Или окончательно сбить со следа…

Муж работал в крупной архитектурной мастерской. Жена – помощником продюсера в компании по производству фильмов и телепередач. Если верить галерее фотоснимков, украшавших туалет, оба страстно увлекались лыжным спортом. И нигде – ни намека на ребенка. Мартен сделал в блокноте пометку: не забыть выяснить, кто изображен на детской фотографии, хранившейся у женщины в бумажнике.

В довольно плотно заставленном книжном шкафу, среди многочисленных томов в основном обнаружились рассказы о путешествиях, труды по современной и старинной архитектуре, две полки детективов, несколько классических романов, кулинарные издания, альбомы по искусству, а также энциклопедии и словари по

кинематографии. Здесь же стоял справочник профессионалов кино и телевидения, а рядом – еще два толстых справочника с обтрепанными страницами и черно-белыми фотографиями, выпущенных два года назад: первый был посвящен актерам, второй – актрисам.

На стене висело с десяток картин, все – подлинники и, на взгляд Мартена, далеко не равного качества. Несколько из них представляли Кубу, в том числе Гавану, и Мартен мысленно связал их с книгами о путешествиях, увиденными на полках шкафа. Просвещенные туристы, интересовавшиеся культурой и искусством стран, которые они посещали.

В просторной гостиной, служившей одновременно столовой и кабинетом, помимо обычной мебели имелись суперсовременная чертежная доска и массивный комод красного дерева с плоскими, но широкими и чрезвычайно глубокими ящиками.

Прежде чем выдвинуть первый из них, Мартен догадался, что здесь хранятся архитектурные чертежи. Так и оказалось. Чертежей была целая куча – и на кальке, и на ватмане.

В спальне – комнат в квартире было всего две – стояли огромный телевизор типа “домашний кинотеатр” и еще один книжный шкаф, содержавший впечатляющее количество DVD: в основном киноклассика плюс пара порнофильмов. Никаких выводов из этого Мартен не сделал – просто на миг припомнил золотую цепочку, которую женщина носила на щиколотке.

В стенных шкафах и комоде хранилась одежда. На всякий случай, чтобы ничего не упустить, Мартен выдвинул все ящики комода и проверил, не спрятано ли что-нибудь в глубине.

Никакого арбалета он не нашел, не говоря уже о кокаине или радиоактивных веществах, хотя тщательно осмотрел все традиционные тайники, хорошо известные каждому полицейскому: сливной бачок в туалете, карнизы для штор, пищевые контейнеры на кухне и морозильник холодильника.

Открывая ящик тумбочки, он уже решил было, что нашел дневник. Возможно, когда-нибудь эта общая тетрадь и стала бы дневником, но пока ее страницы, от первой до последней, оставались чистыми. Зато в середине обнаружился

сложенный лист бумаги – письмо, которое он прочитал, не пропустив ни слова, после чего задумчиво убрал на прежнее место.

В ухоженной и пустоватой квартире абсолютно все выглядело удручающе нормальным и обыкновенным. Занимаясь своим незаконным обыском, Мартен испытывал чувство разочарования и глубокой грусти. Горе, обрушившееся на этот дом, словно ошиблось адресом.

Он присел на кровать, вздохнул и вытянулся на ней. Уставился в потолок, который убитая созерцала по вечерам, засыпая.

Интересно, на чье место он лег, ее или ее мужа? Сам он, когда был женат, всегда ложился слева. Теперь, когда он спал один (три ночи из четырех), то устраивался посередине постели, широко разбрасывая руки, а то и вовсе по диагонали. И брал лишнее одеяло.

Он поднялся, сдернул покрывало и понюхал подушку, отдавая себе отчет, что его поведение граничит с патологией. Ответом на его немой вопрос был длинный темный волос. Значит, она спала справа. Ноздри щекотал легкий аромат духов. Под подушкой нашлась сложенная ночная сорочка. Он развернул ее и подержал перед собой. Коротенькая, зато обшитая старинным кружевом. Компромисс между традицией и современностью. В этой одежке убитая женщина наверняка выглядела очень сексуально.

Заурядная семейная пара. Счастливая пара. Они любили друг друга и, по всей видимости, собирались вместе прожить жизнь. Долгую жизнь. Мартен вздохнул. Что-то в последнее время он стал часто вздыхать, в том числе на работе, хотя пока никто не делал ему замечаний.

Он готов был держать пари на свою месячную зарплату, что мотив убийства не имеет ничего общего с размеренным существованием убитой, как и с существованием ее мужа. И это ему не нравилось. Совсем не нравилось.

Он снова улегся, дав волю воображению. Смерть ударила внезапно, как молния, явилась неизвестно откуда и неизвестно почему. Но разве не всегда бывает именно так? Нет, он не должен поддаваться этим мыслям.

Как вышло, что человек, который вел нормальную, мирную жизнь, погиб столь ужасной и необычной смертью? Идиотский вопрос. Если только… Может, убийца ошибся? Нет, чепуха. Он долго следил за своей жертвой, точно, едва ли не до сантиметра, высчитал ее маршрут. Ошибка исключалась. Преступление готовилось заранее, возможно, за много дней. Он уже предчувствовал, что и расследование будет долгим и трудным. И далеко не факт, что оно увенчается успехом. Эта мысль была слишком болезненной, и он усилием воли отогнал ее.

Затем прикрыл веки и зевнул. До чего же он устал, вымотался вконец.

А домой, в пустую квартиру, торопиться незачем. Дочь уехала на гастроли в провинцию. То ли в Шартр, то ли в Ангулем, он точно не помнил, в каком порядке чередуются города в ее расписании. Подруга отбыла за границу собирать материал для репортажа, и он даже не знал, когда она вернется. Хорошо бы позвонить Жаннетте, выяснить, как продвигается дело с опросом соседей, но она сейчас наверняка с кем-то беседует, а ему не хотелось ее отвлекать. Сон навалился на него внезапно, не дав времени на сопротивление.

Ему приснилась убитая женщина. По какой-то одной ей известной причине она страшно на него сердилась и осыпала его короткими сухими ударами по лодыжке. Весьма болезненными ударами. Настолько болезненными, что он проснулся. Открыл глаза и обнаружил, что она стоит над ним, зажав в руке кухонный нож. И правда ужасно сердитая.

Глава 6

Мартен пробудился, но сон продолжался. Он мельком подумал, что напрасно отка зался от посещения психоаналитика, на чем настаивала его подруга, журналистка Марион, обеспокоенная его бессонницами.

Мысль мелькнула и исчезла. Не бывает настолько реалистичных снов. Хорошенькая брюнетка между тем с воплями надвигалась на него, размахивая ножом.

Он сосредоточился и постарался вникнуть в смысл ее криков. Она то и дело повторяла слово “полиция”, и в конце концов он понял, что она уже вызвала стражей порядка и те вот-вот появятся, так что ему не имеет смысла дергаться.

Он сунул руку во внутренний карман пиджака, пиджак оттопырился, и стала видна рукоять пистолета. Незнакомка заверещала еще громче, а нож у нее в руке заходил ходуном.

На миг он испугался, что сейчас она его проткнет, но женщина отступила в дальний угол комнаты, по-прежнему направляя на него острие длинного лезвия.

Он плавным жестом извлек из кармана бумажник, а из него – полицейское удостоверение.

Вид документа чуть успокоил женщину, но не лишил ее воинственного настроя.

– Да я таких липовых удостоверений сколько хочешь себе нарисую, – заявила она.

Правда, в ее голосе прорывались нотки сомнения – или ему почудилось, что прорывались.

Сейчас, когда он окончательно проснулся, до него дошло, что женщина поразительно похожа на жертву, хотя имелись и различия. Во-первых, она была по-другому одета: в джинсы, черную майку и ветровку. Волосы у нее были длиннее, и, пожалуй, она была немного моложе. Очень хорошенькая, даже в гневе, с пылающими от ярости глазами.

– Если вы из полиции, – продолжила она, – это все равно не дает вам права врываться в чужой дом, когда хозяев нет, и спать в их постели.

– Я вам все объясню, – спокойно сказал он, – только подождите буквально минутку.

Он нажал на мобильном кнопку “4” (Жаннетта), попросил связаться с комиссариатом округа и отменить вызов дежурной бригады.

Нажал отбой, встал и одернул пиджак. Женщина смотрела на него, не отрывая бдительного взгляда, но уже не выглядела такой напуганной. Его спокойствие, пусть и напускное, оказало на нее благотворное действие.

– Прежде всего, должен принести вам свои глубочайшие извинения за то, что напугал вас. Единственное, что меня оправдывает, так это уверенность в том, что сюда никто не придет.

– В этой квартире живет моя сестра с мужем, – сухо ответила женщина. – Не понимаю, с чего вы взяли, что сюда никто не придет. Сестра будет дома с минуты на минуту. Она сейчас в бассейне. Они пригласили меня на ужин.

Он вздохнул, и этот вздох сказал ей, что сейчас она услышит что-то такое, чего ей совсем не хочется слышать. И даже хуже. Она отличалась умом и быстрой реакцией. Он увидел, как кровь отхлынула у нее с лица. Нож она положила на телевизор и обхватила себя обеими руками, как будто в комнате поднялся ледяной ветер.

– Что-то случилось, – прошептала она. – Умоляю вас, скажите, что случилось?

Он в два прыжка настиг ее, взял за руку и усадил на кровать.

– Мне очень, очень жаль, – сказал он, – но я должен сообщить вам ужасную вещь.

– Нет, – возразила она. – Пожалуйста, нет, не надо.

Он выждал пару секунд, но потом решился:

– Ваша сестра погибла. Около семи часов вечера. По дороге домой.

– Машина? – чуть слышно проговорила она.

Он понял, что она имела в виду несчастный случай.

– Нет. Ее застрелили.

– Армель застрелили? – Она замотала головой. – Этого не может быть.

– Почему?

– У нее нет врагов. Она и мухи не обидит. Кому понадобится ее убивать? Это какая-то ошибка. Это точно не она.

Она снова заговорила в полный голос, и этот голос дрожал от возмущения. Горе отступило перед ее решимостью не верить. На свете нет ни одного человека, затаившего зло на Армель, следовательно, никто не собирался ее убивать, следовательно, она жива. Безупречная логика. К сожалению, смерть не имеет ничего общего с логикой, подумал Мартен.

Она устремила на него негодующий взгляд:

– Вы порете чушь. Я вам не верю. Не знаю, чего вы добиваетесь, но вы лжете! Полицейские всегда лгут. А где Жюльен? Почему его нет? Мы должны вместе ужинать, я же вам уже говорила!

– Вашему зятю стало дурно. Его отвезли в больницу. Вкололи успокоительное.

Она отшатнулась, словно он ее ударил. Во взгляде, которым она его пожирала, он прочитал ужас и боль – она поняла, что он говорит правду. На сей раз логика обернулась против нее. Видимо, реакция зятя ее нисколько не удивила. Она пыталась бороться, но ее отважный порыв обернулся провалом. Она разрыдалась и принялась колотить Мартена.

Он обнял ее и прижал к себе, терпеливо снося удары кулаком и тычки головой. Вскоре воротник его рубашки и отвороты пиджака промокли от ее слез. Он бормотал ей всякую успокоительную ерунду типа – ну ничего, ничего, не надо плакать, все образуется, возьмите себя в руки…

В последний раз он точно так же успокаивал свою дочь, переживавшую любовную драму. Как тогда, так и сейчас его методика не принесла успеха.

Когда ее рыдания немного утихли, он отвез ее в больницу и проводил в палату к Жюльену, оставив их с глазу на глаз.

Вернувшись домой, он принялся мерить шагами квартиру. Он уже успел окончательно проснуться, и им овладело трудно поддающееся контролю возбуждение.

Хорошо бы отправиться в спортзал, но, к сожалению, он давно закрылся.

Дома у него была небольшая силовая скамья, но после того, как у него заклинила штанга с грузом 165 килограммов, а позвать на помощь было некого, он старался ею не пользоваться. Он тогда целых три минуты медленно сдвигал штангу с груди, пока не сумел высвободиться, и эти минуты показались ему бесконечными.

Тем не менее он решил продолжить прерванную вечером программу тренировки, из осторожности уменьшив нагрузку на пять процентов. Затем взял маленькие гантели и выполнил несколько упражнений на растягивание, после чего принял душ и опять стал бесцельно вышагивать по квартире. Сна не было ни в одном глазу.

В конце концов он уселся за стол и начал набрасывать свои соображения по делу об убийстве, не особенно следя за их логической последовательностью. Итак, сестру убитой звали Эмелина, она была на два года младше, других братьев и сестер не имела, жила одна и, как и жертва, работала в сфере кино, правда, не на административной, а на более творческой и требующей специальной подготовки должности монтажера.

Убитая неплохо зарабатывала – чуть больше Мартена с его восемнадцатью годами стажа, – но богачкой она не была, как и ее муж. По словам Эмелины, они ни с кем не враждовали. Даже с соседями ни разу не ссорились.

Он забыл поинтересоваться, что за ребенок изображен на фотографии, но вспомнил, что по пути в больницу Эмелина пробормотала что-то насчет бебиситтера. Может, это был ее ребенок? Надо проверить. Поручить Жаннетте.

Оставалось еще что-то, но он не мог сообразить, что именно.

В половине первого ночи раздался звонок в дверь. Он пошел открывать. На пороге стояла его бывшая жена Мириам Соннен. Все правильно, время как раз ее.

Она заглядывала к нему два-три раза в месяц, всегда ближе к ночи, и никогда не предупреждая заранее, что придет. Вначале Мартен подозревал, что она надеется застать его в дамском обществе. Но затем понял, что причина гораздо тоньше. Нынешнее поведение жены выдавало ее отношение к нему и к их распавшемуся браку: будь ее воля, они бы, наверное, никогда не развелись.

Она влетела в квартиру, чмокнула его в губы и поставила сумку.

Она была чуть ниже среднего роста, крепкая, с широкими плечами и узкой талией. В двадцать семь лет она завоевала титул чемпионки по пауэрлифтингу, и хотя с тех пор ее тело утратило – не без усилий с ее стороны – рельеф стальной мускулатуры, оно по-прежнему было полно сдержанной силы. Владея на паях крупным агентством по недвижимости, в одежде она стала отдавать предпочтение неброской элегантности классического стиля – серым, черным или темно-синим костюмам, оживляемым одной-единственной яркой деталью. Но, несмотря на респектабельную внешность, в жизни она не признавала никаких условностей.

В этот вечер на ней был приталенный синий шелковый костюм, белая шелковая блузка и босоножки на шпильке, прибавлявшие ей сантиметров десять роста. Свои густые черные волосы она подстригла коротко, “под мальчика”. Сняв пиджак, Мириам крутанулась на месте.

– Ну, как тебе моя прическа? – спросила она с неуверенной улыбкой.

Иногда, очень редко, она вдруг превращалась в маленькую девочку – робкую, озабоченную тем, что подумают о ней другие. Зато в остальное время… Он внимательно рассмотрел ее, не торопясь с ответом. Этому он в числе прочего научился уже после развода – никогда не отвечать машинально, не взвесив все за и против. Отныне каждая минута, проведенная с ней вместе, обретала для них огромное значение, и он хотел, чтобы она знала: он тоже это понимает.

– Потрясающе, – искренне сказал он.

Выражение неуверенности исчезло с ее лица, уступив место широкой улыбке.

– Точно? Или подлизываешься? – Она требовала подтверждения, теперь уже из чистого кокетства.

Он охотно включился в игру.

– Ты выглядишь на пятнадцать лет. Если бы мы с тобой переспали, я бы чувствовал себя педофилом.

– Ну, не преувеличивай. Ладно. А то я боялась, что тебе не понравится. Только не говори, что это не важно, потому что мы в разводе. Кстати, насчет последнего… Это ты просто так ляпнул? Или делаешь мне предложение?

– На полном серьезе. – На сей раз он ответил, не раздумывая. – Ты – самая сексуальная женщина на всем белом свете. Я тебе это уже говорил.

Она покраснела от удовольствия и обняла его. Макушкой она доставала ему до подбородка и на миг уткнулась лбом ему в плечо. Он погладил ее по голове, но она отстранилась, взяла его за руку и потащила в спальню.

Теперь, расставшись, они разговаривали о чем угодно, кроме главного. Он понятия не имел, есть ли у нее любовник – или любовники? Она и не подозревала о его связи с журналисткой.

Квартиру он оставил за собой – так решила она, сочтя “аморальным” заставлять его переезжать, тогда как для нее найти новое жилье было проще простого. Он присел на край кровати и, не сводя с нее взгляда, принялся расстегивать рубашку.

Он обожал смотреть, как она раздевается. Как изгибается, дотягиваясь рукой до пуговицы и “молнии” на юбке, как играет бедрами, высвобождаясь из узкой юбки. Некоторая нарочитость движений свидетельствовала о том, что она прекрасно видит, какими глазами он смотрит на нее, и получает от этого удовольствие. Покосившись на него, она аккуратно повесила юбку на спинку стула и начала по одной расстегивать пуговицы на блузке, спускавшейся до ее округлых, красиво очерченных бедер. Его в одну секунду охватило горячее,

почти болезненное желание. Сейчас он изменит Марион. Интересно, уменьшает ли его вину тот факт, что изменит он ей со своей бывшей женой?

– Ты сегодня какой-то странный, – сказала она. – Что-то случилось? Что-нибудь особенное?

– Сразу две вещи, – ответил он. – Странное преступление. Убили молодую женщину. Мне нечасто приходилось чувствовать себя до такой степени беспомощным. Убийца неизвестен. Мотив неизвестен. Спокойная замужняя женщина. Счастливый стабильный брак. Мужа с нервным стрессом отправили в больницу. И все-таки я уверен, что убийство – преднамеренное. Судя по всему, раскрыть его будет очень трудно.

Он умолк и некоторое время в тишине продолжал расстегивать рубашку.

– Бедняги, – наконец произнесла она. – Как ты думаешь, у нее был любовник? Или у него – любовница?

– Будем искать, но сам я в это не верю. Мне кажется, они любили друг друга.

– А вторая вещь?

– Я свалял дурака. Ударил подозреваемого.

– Он подаст жалобу?

– Вряд ли. Дело не в этом. Просто со мной уже много лет не было ничего подобного.

– А что он натворил?

– Ограбление. Нанесение тяжких побоев. Изнасилование.

– Ничего себе. Я отпускаю тебе этот грех. Он что, тебя спровоцировал?

– Нет. Во всяком случае, не действием. Просто распустил язык. Сам не знаю, как это произошло. Я даже сообразить ничего не успел. Потерял самоконтроль.

– А уж этого месье Мартен не может себе позволить ни в коем случае, – с усмешкой сказала она.

Она встала напротив него. Ее смуглая матовая кожа светилась. На ней остались только черные трусики и такого же цвета бюстгальтер.

Он хотел обнять ее за талию, но она оттолкнула его. Он упал на спину, схватил ее за руки и притянул к себе. Она не поддавалась, упершись ладонями ему в грудь.

– И не мечтай. У меня другие планы. А разделась я только потому, что мне так удобнее. В любом случае в тебе скопилось слишком много негативной энергии. В таком состоянии ты ни на что не годишься.

– Ну спасибо.

Она через голову стащила с него рубашку, силой перевернула его на живот и уселась ему на ягодицы.

– Закрой глаза и расслабься. Руки вытяни вдоль тела, ладонями кверху.

Он повиновался. Пальцы Мириам стальными прутьями впились ему в спину. Не сдержавшись, он охнул от боли.

– А я что говорила? – фыркнула она. – Придется над тобой потрудиться. Давай, рассказывай. Что еще на тебя сегодня свалилось?

– А тебе что, мало? – стараясь не застонать, выдохнул он. – Ах да. Когда мужа жертвы увезли в больницу, я у них там заснул. На их кровати. Меня разбудила сестра убитой.

Мириам засмеялась было, но тут же оборвала смех.

– Ты заснул в чужом доме? Похоже на упадок сил, а?

Он не ответил. Эта идея уже приходила ему в голову, однако углублять ее не хотелось. В последнее время он действительно подозрительно легко проваливался в сон – классический симптом желания о чем-то забыть. Проблемы с самоконтролем – еще один симптом. И это чувство беспомощности, ярости и глубокой печали, охватившее его при виде тела убитой женщины. Смерть… Мартен давным-давно перешел с ней на “ты”, но чем старше он становился, тем мучительнее ему было мириться с тем, что одни люди способны причинять непоправимое зло другим. На сей раз обстоятельства буквально взяли его за горло, и ему приходилось изо всех сил напрягаться, чтобы подчиненные и эксперты не заметили, что с ним творится что-то не то. От глаз Жаннетты его реакция наверняка не укрылась, но тут он мог быть спокоен: ум и порядочность не позволят ей болтать о своих впечатлениях направо и налево.

Может, ему сменить профессию, пока не поздно?

– Вам, случайно, специалист по безопасности не требуется? – слегка приподняв голову, обратился он к Мириам.

– Вот и я про то же. Ты катишься вниз. – Ее пальцы спустились к его пояснице. – А там недалеко и до охранника в “Перекрестке”. Или сторожа на парковке.

Он еще несколько минут стоически терпел пытку, но вдруг резко перевернулся на спину, сбросив с себя Мириам. Она соскользнула в сторону и теперь лежала на боку, с вызовом глядя на него. Над верхней губой и на лбу у нее поблескивали капельки пота. Она выкладывалась на всю катушку.

Он протянул руку и погладил выступающее холмом гладкое бедро, затем нежно прикоснулся к ее прикрытой бюстгальтером правой груди, провел по слегка выступающему животу, спустился к лобку и попытался просунуть пальцы под трусы. Она сжала ноги, заодно защемив его руку.

– Ты уверен, что хочешь этого? – спросила она.

Он смотрел на нее и ничего не говорил.

– Именно со мной? – настойчиво повторила она.

– Но ты же здесь, – наконец выдавил он. – И ты ничуть не хуже, чем любая другая.

– Ах ты, скотина, – рассмеялась она.

Легла на него лицом к лицу и прижалась грудью к его груди.

– А трусы и лифчик ты специально не снимаешь? – спросил он, проводя руками ей по спине.

– На глупые вопросы не отвечаю, – сказала она и куснула его за плечо.

Он просунул обе руки ей в трусы и принялся гладить ее бедра, покрывая поцелуями рот и шею. Ей уже перевалило за сорок, и кожа слегка утратила гладкость, но тело по-прежнему оставалось мягким и податливым и словно растекалось под его ласками.

Он ей не лгал. Она всегда представлялась ему идеалом женственности и самым желанным на свете существом. Во всяком случае, в эту минуту.

– Ты что, товар на ощупь пробуешь? – шепнула она. – Моя очередь.

Расстегнула на нем ремень и обеими руками обхватила его член.

– Недурно, недурно.

Затем опустила голову и взяла его в рот.

Он на миг отдался сладостным ощущениям, но сейчас же понял, что настолько хочет ее, что, если позволит ей и дальше делать то, что она делает, то через пятнадцать секунд все будет кончено.

Он сжал руками ее лицо и притянул ее к себе. Лег на нее и стал целовать ее в губы, в шею, в грудь, лаская пальцами ее соски, пока они не затвердели. Языком он прошелся по ее животу и через трусы прижался к лобку; она раскинула ноги и подалась ему навстречу. Сквозь шелковистую ткань он почувствовал ее горячую влагу, его возбуждение достигло предела. Он понял, что больше не может

сдерживаться, сдернул черные трусы и одним резким движением вошел в нее. Его хватило на пару мощных движений, после чего оба одновременно закричали и, тесно сплетенные, упали на постель.

В голове у него, как всегда после любовного акта, царила пустота, но в этой пустоте вдруг проступило кошмарное видение убитой женщины, а вслед за ним тонкое и бледное лицо ее сестры, искаженное горем.

Он попытался прогнать эти образы, но слишком поздно – хрупкая оболочка счастливого забвения лопнула.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила Мириам.

Она уже почувствовала произошедшую с ним перемену. Он поцеловал ее в шею и сжал ладонью грудь. Раньше, отвечая на подобные вопросы, он ей просто лгал. Но безмолвный договор, только что связавший их, не позволял ему прибегнуть к обману.

– Да я не думал, – ответил он. – Само вспомнилось. Сначала убитая, потом ее сестра.

– Красивая?

– Сестра? Ну да. Наверное. Когда в нормальном состоянии…

– Это она залила слезами твою рубашку?

Все-то она замечала.

– Она. Никогда раньше не видел, чтобы люди так плакали.

– Хорошо, что ты там оказался. Было кому ее приголубить.

– Ты что, ревнуешь? – удивленно спросил он.

– Да нет, не ревную, – задумчиво произнесла она. – Мне просто интересно. Почему ты не захотел кончить мне в рот?

Изумленный столь неожиданным поворотом в беседе, он смущенно отвел взгляд. Он вообще терпеть не мог обсуждать интимные подробности. Для него секс и речь представляли собой две разные вселенные, и он бы предпочел, чтобы они такими и оставались. Раньше она разделяла его точку зрения. Значит, и в этом она изменилась.

Она засмеялась:

– Ладно, не стану вгонять тебя в краску.

– Ну почему, я готов ответить. Мне хотелось, чтобы это продлилось как можно дольше. Кроме того, я хотел, чтобы ты кончила одновременно со мной.

Она нахмурила брови.

– Думаю, ты ответил, но лишь частично, – сказала она. – А если для меня истинным удовольствием было бы видеть твое наслаждение? Такое тебе в голову не приходило?

Он вздохнул:

– Ну, прости. Я не собирался делать ничего дурного.

– Да не об этом речь! – раздраженно воскликнула она. – Ты пойми, что… А, черт. Я имею в виду… Есть в тебе что-то такое, о чем ты сам даже не догадываешься. Даже лежа со мной в постели, ты боишься потерять контроль над собой, вот в чем проблема. Поэтому между нами все и разладилось. Ты никому не позволяешь подхватить эстафету. Никогда. Ты никому не доверяешь. Ты уверен, что лучше всех знаешь, кому что нужно.

– Извини, – сказал он. – В следующий раз делай с моим телом все, что захочешь.

– Если следующий раз будет, – возразила она. – На твоем месте я бы не была так уверена.

Одним прыжком она вскочила с постели и убежала в ванную, плотно прикрыв за собой дверь.

Мартен осознал, что снова хочет ее. Они прожили вместе больше десяти лет, но за все эти годы его влечение к ней не ослабло. И теперь, когда их встречи носили случайный характер, у него каждый раз возникало ощущение, что все это – впервые.

Как она отреагирует, если он присоединится к ней под душем?

Нет. Он упустил момент.

Он долго слушал, как течет вода. Потом она вышла в его халате, который был ей велик, стянутом на талии поясом, и посмотрела на него. Он не сдвинулся с места.

Она собрала свою одежду, взяла сумку и снова удалилась в ванную. Через пару минут появилась опять, полностью одетая, и обулась в босоножки, на ходу расчесывая влажные волосы. Подобрала свои трусы и сунула в сумку. Ему страшно хотелось сунуть руку ей под юбку и медленно провести снизу вверх, но он даже не шелохнулся.

– Почему ты молчишь? Обиделся? – спросила она.

Он потряс головой:

– Нет. Не в этом дело.

– Тогда почему ты не пришел ко мне под душ?

– Я думал, ты на меня злишься.

Она покачала головой, словно заранее знала, что он ответит именно так, и в ее глазах вдруг промелькнула печаль.

– Знаешь, ты не очень-то обращай внимание на то, что я говорю. Я ведь могу и ошибаться. Может, ты как раз прав, что ничего не пускаешь на самотек. Наверное, я никогда и никого не буду любить так, как любила… Как любила тебя. Что бы ни случилось.

Ее слова звучали прощанием. Внезапно все это – ее приход, их страсть – приобрело какой-то новый смысл, который она до поры до времени от него скрывала. Взволнованный, он приподнялся и потянулся к ней, чтобы обнять.

– Подожди, – отстраняясь и не глядя на него, проговорила она. – Это еще не все. Я была с тобой не совсем честна.

Он боялся того, что она собиралась сказать, хотя в глубине души понимал, что ждал чего-то в этом роде давно. С того дня, как они расстались.

– Я… Я выхожу замуж, – быстро произнесла она. – Скорее всего, в следующем месяце.

Он замер, остолбенев. Нет. К этому он не был готов. В жизни Мириам должен был появиться другой мужчина. Вряд ли ее устроили бы короткие свидания два-три раза в месяц. Он мирился с наличием соперника, принимая его как неизбежное следствие их развода. Но замужество!

Она повернулась к нему спиной и исчезла за дверью.

Глава 7

Он смотрел на нее спящую со смешанным чувством ненависти и притяжения. Своим ровным спокойным дыханием она наносила оскорбление раздиравшей его ярости. Как было бы просто – сесть на нее, сдавить хрупкую шею и держать, пока не задохнется. Ну да, а потом его арестуют и засадят за решетку. И получится, что она победила.

Нет. Он выбрал другое решение. Единственно возможное. Оно потребует от него смелости, настойчивости и воображения, но из этого испытания он выйдет

обновленным и свободным. Победителем. И еще долго будет смаковать свою победу. Пусть легавые его допрашивают – это неизбежно, – вести игру будет он. Он ответит на все их вопросы с взволнованной искренностью, а в душе будет ржать над ними. И они ничегошеньки не смогут ему предъявить.

Он тихо покинул спальню, надел куртку и вышел из дому.

Он не может долго оставаться поблизости от нее, даже если их разделяет стена. Он боялся, что не совладает с собой и даст волю гневу. Значит, надо обдумать продолжение плана.

Первую его часть он осуществил с поразительной легкостью. Воспользовался игрушечным арбалетом, подаренным дядей, когда ему было двенадцать лет. Этот арбалет был единственной вещью, сохранившейся у него с детства. Он так и не решился с ним расстаться. Через арбалет на него никогда не выйдут. Тетива давно разорвалась, механизм спускового крючка проржавел и покрылся въевшейся пылью, но это не имело никакого значения – с его-то золотыми руками ему ничего не стоило привести игрушку в порядок.

Зато раздобыть болты оказалось куда труднее. Пришлось мастерить их самому из алюминиевых трубочек, каучука и суперклея. Самой большой проблемой оказались трубки. Поначалу он подумывал вытесать их из дерева, например из тонких веток орешника. Он даже предпринял несколько попыток, абсолютно неудачных. Трубки должны были быть прочными, легкими и отлично сбалансированными. Он долго ломал себе голову, пока наконец не нашел то, что ему было нужно, – случайно проходя мимо магазина, торгующего всякой экзотикой. Трубочки длиной сантиметров пятнадцать были подвешены на нитках к более толстой горизонтальной трубке. Продавщица объяснила, что при малейшем дуновении ветерка они приходят в соприкосновение и издают приятные звуки. Он подергал в руках эту штуковину, подняв металлический звон. И купил сразу две, потребовав скидку. Она согласилась уступить пять процентов. Его так и подмывало поторговаться еще, но хватило ума сдержаться. Платил он наличными. Она спросила, не желает ли он, чтобы покупку ему упаковали в подарочную бумагу, и он чуть не расхохотался.

Мастеря болты, он испытывал огромное наслаждение. Его план понемногу обретал черты реальности. Блестящие железяки казались ему крошечными снарядами. Вскоре в коробке из-под воздушного фильтра уже лежали двадцать два арбалетных болта.

Разумеется, столько ему не понадобится, но он же должен потренироваться – и перед началом, и между этапами. Импровизация в его планы никак не входила.

Тренироваться он выходил во двор за гаражом, загроможденный остовами разбитых машин и железным ломом, но вскоре его осенила новая идея. Надо провести испытания на месте.

Он долго взвешивал все за и против. Это было рискованно, даже опасно. Его могли заметить и опознать. Однако приняв минимальные меры предосторожности и чуть изменив внешность, риск можно свести к нулю, зато результат будет гарантирован. Ничто не сравнится с полевым опытом. Разумеется, он не собирается делать полтора десятка выстрелов – пары-тройки вполне достаточно.

На свою жертву он наткнулся случайно – как и на алюминиевые трубки. Но его сила как раз и заключалась в умении использовать подвернувшийся случай. На нем же базировалась и безупречность его замысла.

Вообще-то он обратил внимание на эту женщину в те дни, когда его план еще только начинал созревать. Совпадение его мыслей с появлением потенциальной жертвы показалось ему благоприятным знаком и убедительным доказательством того, что он на верном пути.

Он увидел, как она входит в вагончик, служивший на стройке передвижной конторой, и что-то его неприятно кольнуло, настолько она напоминала фигурой его жену, вернее сказать, стерву, мечтавшую его погубить. Та же летящая, почти невесомая походка, та же трудноуловимая смесь силы и слабости, в давние времена покорившая его, а сегодня вызывавшая одно желание – бить и убивать. Как он любил ее! Пока она не превратилась в жирную беременную уродину. А потом еще произвела на свет эту козявку, эту карикатуру на человеческое существо, укравшую у него ее любовь и заботу.

Потом он осторожно навел справки. Похожая на его жену женщина была супругой архитектора и по какой-то надобности явилась навестить мужа. Можно ли будет связать его с ней? Он решил, что нет. На стройке крутились сотни людей. Он и сам оказался здесь временно, заменяя другого работника. Официально он числился на совсем другой стройке. Никаких письменных документов, где упоминалась бы его фамилия, на этом объекте не существовало. И женщина больше сюда не приходила.

Раздобыть адрес архитектора было первой и самой легкой задачей. В обеденный перерыв он порылся в учетных карточках и нашел адрес бюро, в котором работал архитектор.

Дальнейшее стало вопросом организации и терпения.

Он отправился в бюро, нацепив на голову мотоциклетный шлем, и выдал себя за курьера, которому надо срочно доставить пакет по домашнему адресу архитектора. И получил его на счет раз.

Он занял наблюдательный пост в скверике напротив дома. По утрам женщина выходила из подъезда, и он следовал за ней. Выяснив, где она работает, он по вечерам приходил и поджидал ее. Дважды он ее упустил, но вскоре понял, что домой она возвращается в разное время, иногда к девяти часам, иногда намного раньше. Очевидно, она с кем-то встречается, но узнать, где и с кем, не представлялось возможным.

И только по четвергам она возвращалась точно в одно и то же время. После работы она шла не домой, а в муниципальный бассейн, расположенный неподалеку от ее дома, где в обществе еще двух десятков женщин занималась водной гимнастикой. По утрам в эти дни, помимо обычной дамской сумочки, она выходила со спортивной сумкой в руках. Видно, так спешила поплавать, что ни минутки терять не хотела.

Вот в четверг он ее и подловит.

Он тщательно исследовал маршрут и расписал его по минутам.

Она всегда ездила на метро. Шестнадцать остановок, две пересадки. Вечером она быстрым шагом выходила со станции метро, пересекала улицу, не

дожидаясь сигнала светофора, поворачивала направо, еще раз направо и устремлялась по узенькой улочке – на самом деле просто проулку, – с одной стороны застроенной обветшалыми домами, по большей части предназначенными на снос и нежилыми, а с другой – перегороженной высоким серым забором, за которым была стройка.

Эта маленькая улочка выходила на шумный торговый проспект. Туда, не сбавляя темпа, и направлялась женщина, чтобы потом повернуть направо и попасть в неширокий проезд, где и располагался муниципальный бассейн.

Лучше всего подкараулить ее на маленькой безлюдной улочке.

Три четверга подряд он ждал ее, стоя на углу улочки, там, где она выходила на проспект. В первый раз она появилась без трех минут семь, во второй – в две минуты восьмого, в третий – без одной минуты семь.

Значит, ему надо быть на месте с запасом в две-три минуты, и тогда он точно ее не упустит.

Разумеется, оставалась проблема с другими прохожими, но в этот вечерний час улочка неизменно оставалась пустынной.

Он двинется ей навстречу в шесть сорок пять с тем, чтобы к моменту ее появления достичь примерно середины улочки. Остальное – вопрос тренировки и удачи.

Как раз посередине там стоял брошенный дом с заколоченным подъездом. В субботу утром он наведался в мэрию и заглянул в кадастр. Интуиция его не подвела. Можно было переходить к подготовке последней части плана.

Накануне назначенного дня его начали одолевать сомнения. Он еще раз прокрутил в голове весь план. Нет, он ничего не упустил. Если что, он просто отложит ненадолго его исполнение. И все-таки его лихорадило, и он боялся, что не совладает с нервами. На стройке разругался с другим рабочим и чуть не полез в драку. Опасаясь, что не сдержится и даст волю кулакам, после работы не пошел домой и переночевал в гараже, возле своей машины.

Однако утром четверга, которое выдалось ясным и свежим, на него снизошло спокойствие. Мысль работала четко, в теле ощущалась бодрость. Даже воздух показался ему каким-то особенным, впрочем, возможно, это объяснялось его собственным состоянием. Краски и формы, мельчайшие детали – что внутри тесного гаража, что на улице – представали перед ним с необычайной резкостью. То же касалось звуков и запахов. Ощущение странное, но вовсе не противное. Во всяком случае, соответствовавшее его обостренной восприимчивости.

Он немножко потренировался на заднем дворе, потом подточил стальные болты и прошелся по ним ножовкой. Он был готов. Еще раньше он решил, что возьмет с собой всего один болт. Сейчас он сунул его вместе с маленьким арбалетом во внешний карман зеленой куртки, несколько лет назад купленной на распродаже военного обмундирования, – это был накладной карман, широкий и глубокий. Главное, из него ничего не выпирало наружу, зато извлечь оружие он мог за три секунды, стоило лишь сунуть в карман правую руку.

Бригадиры переодевались в вагончике. Он повесил куртку в отведенный ему металлический шкафчик, натянул комбинезон и запер замок, приобретенный на собственные деньги. Он все еще обдумывал детали, хотя никаких сомнений у него уже не оставалось. Он отлично подготовился.

И знал, что все пройдет как надо.

Работу он выполнял механически, но без огрехов, ибо это тоже было частью плана. Он не мог позволить себе ни малейшей оплошности, но в своем новом состоянии он чувствовал себя защищенным от любой досадной ошибки. Другие рабочие поглядывали на него с недоверием, наверное, догадываясь, что он что-то затевает, но он не поддался на провокации.

Какой-то частью своего существа он пребывал на той самой узенькой улочке и без конца воображал всякие случайности, которые могут завершиться для него катастрофой. Словно он вновь и вновь смотрел один и тот же фильм – правда, в разных вариациях. Однако эти мысли не будили в нем беспокойства. Напротив, они помогали ему еще раз проверить все свои расчеты и сосредоточиться на том, что предстояло совершить.

Со стройки он ушел в двадцать минут шестого и даже остановился поболтать с другим бригадиром. Он не торопился. Машина запущена.

На улочку он явился за полчаса до решающего момента. Проверил, все ли в порядке, и без четверти шесть занял позицию на углу. В руке он держал газету, делая вид, что просматривает заголовки. Он уже натянул прозрачные пластиковые перчатки, очень тонкие, – точь-в-точь такие же часом позже наденут на руки комиссар Мартен и криминалисты.

Шесть сорок шесть. Он сунул свернутую газету в карман и твердым, но не суетливым шагом двинулся вперед.

Улочка представляла собой островок тишины и спокойствия. Кроме него, здесь не было ни души. Он сунул правую руку в карман, достал арбалет и быстро зарядил его.

В тот же миг в конце улочки показалась она. Слишком рано. Он почувствовал, как ёкнуло в груди сердце, и слегка замедлил шаг. Он шел, опустив вниз правую руку и прижимая практически невидимый арбалет к бедру.

Ничто в его походке не должно было встревожить женщину.

Она приближалась к нему, безмятежная и равнодушная. Она и не подозревала, что жить ей осталось считаные секунды. Поравнявшись с домом, он прижался к стене, демонстрируя, что готов пропустить женщину.

Она шла, глядя прямо перед собой и чуть опустив глаза. Он хорошо знал этот невидящий взгляд, каким смотрят люди, уверенные, что никто не посмеет встать у них на пути.

Он положил указательный палец на спусковой крючок.

Их разделяло еще около тридцати метров. Он остановился напротив подъезда и толкнул дверь, словно собирался войти внутрь.

Он даже сделал шаг вперед, но тут же развернулся. До женщины оставалось пятнадцать метров.

Он поднял руку и прицелился ей в горло.

Невероятно, но она по-прежнему его не видела. Или не хотела видеть, как ребенок, от страха закрывающий глаза в темноте. Он вытянул руку, сделал плавный выдох и медленно нажал на спуск. Его движения были идеально синхронизированы. Как только палец дошел до упора, он задержал дыхание.

Арбалет выстрелил, в желобок упал маленький крючок, удерживавший тетиву. Освобождаясь, тетива сухо щелкнула, и болт полетел к цели.

Остро отточенная стальная стрелка пронзила кожу и плоть в точно намеченном месте.

Женщина не почувствовала боли – только шок. Ее тело продолжало двигаться в заданном режиме. Она сделала один шаг, подняла руки, словно прикрываясь от опасности, сделала второй, широко открыла рот, распахнула глаза и упала лицом вперед.

Он подбежал к ней и склонился над телом. Из горла у нее толчками выливалась кровь. Боли она, судя по всему, не испытывала, но вдруг протянула к нему руку и уставилась на него умоляющим взглядом. Впрочем, ее взгляд уже мутился. Она пошевелила губами, произнесла несколько слов, значения которых он не понял, уронила руку и закрыла глаза, как будто догадалась, что он ей не поможет, и больше не хотела на него смотреть.

Он выпрямился. До него дошло, что он теряет драгоценные минуты. Из-за нее.

Он поискал болт. И обнаружил его у самой стены, метрах в трех от распростертой женщины.

Он перешагнул через нее, чтобы подобрать болт, и в эту секунду услышал позади рев сирены.

Он замер, пораженный. Бросился к подъезду, охваченный неописуемым ужасом, вбежал внутрь, наступив по пути на руку жертвы, и захлопнул за собой дверь. Трясущимися руками, обливаясь холодным потом, задвинул дверную щеколду и только тут понял, что вой сирены удаляется. С той стороны двери не доносилось

ни звука.

Наверное, стоило выйти и забрать болт, но он не решился. Слишком поздно. А, пусть. Все равно через стрелку следователям на него не выйти, тем более что перед использованием он ее тщательно протер. Он двинулся через необитаемый дом, закрывая за собой каждую очередную дверь.

Ноги вывели его в подвал, откуда он поднялся в подъезд соседнего жилого дома. На улицу он вышел в нескольких метрах от станции метро.

Вот и все. Удалось. Его план сработал. Страх отступил, вытесненный ни с чем не сравнимым ощущением легкости. Он сильнее всех. Он непобедим.

В метро ему улыбнулась какая-то девушка. Если б только она знала! Он увидел в вагонном окне свое отражение и тоже улыбнулся. Он чувствовал себя способным покорить весь мир. И только сейчас, глядя в стекло, заметил, что держит под мышкой сумку. Он не поверил своим глазам и опустил голову. Так и есть. Матерчатая сумка. Спортивная сумка убитой женщины. Его снова охватила паника. Он испугался почти так же, как тогда, при звуках сирены.

Он выскочил из вагона на следующей же остановке и помчался вперед, не разбирая дороги. Только забежав в тихий безлюдный скверик, он остановился.

Рассмотрел содержимое сумки. Полотенце, пластиковые шлепанцы, шапочка для душа, флакон жидкого мыла, защитный крем и купальник. Затолкав барахло обратно в сумку, он дошел до первого мусорного контейнера, откинул крышку, намереваясь выбросить сумку, но вдруг, сам не понимая почему, передумал.

Глава 8

Не успел Мартен прийти на работу, как ему позвонил судья, которому поручили вести дело. Бартель был из старичков, и они с Мартеном хорошо знали друг друга.

Судья попросил его срочно приехать.

Мартен отправился во Дворец правосудия, сдал предварительный отчет секретарю, который его зарегистрировал, и в общих чертах изложил Бартелю обстоятельства дела.

Бартель был специалистом по финансам. Заниматься убийствами он не любил и предоставил Мартену чрезвычайно широкие полномочия.

– У меня двести дел на руках, из них восемьдесят – срочные, – объяснил он, провожая полицейского до дверей. – Так что вы уж постарайтесь сами там разобраться. Я вам доверяю.

Мартен поблагодарил его и вернулся к себе в контору. Подобный стиль взаимоотношений с судебными органами его вполне устраивал.

Заметив возле кофемашины Жаннетту, Мартен вытаращил глаза и воскликнул:

– Ну и дурак же я!

Под ее изумленным взглядом он прошествовал в свой кабинет и сорвал с телефона трубку, торопясь проверить, не ошибся ли он.

За ним следом ворвалась Жаннетта.

– Я столкнулась с Русселем, – сказала она. – Он ждет вас у себя.

– Чуть позже, Жаннетта, – отозвался Мартен, услышав, как на том конце провода сняли трубку.

Сестра погибшей Эмелина подтвердила все то, о чем рассказала накануне, и принялась плакать.

Он пообещал ей перезвонить, как только у него появятся новости, набрал номер экспертной службы и попросил к телефону Билье. Ее ответ подтвердил, что интуиция его не обманула.

Жаннетта вопросительно смотрела на него из дверного проема.

– Я совершенно упустил из виду одну вещь, которая может оказаться чрезвычайно важной, – объяснил он ей. – Жертва ходила в бассейн. Значит, рядом с телом должна была валяться спортивная сумка с полотенцем и прочим. Но мы ничего такого не нашли. То есть убийца унес сумку с собой.

– Думаешь, в ней лежало что-то ценное?

– Вряд ли, но это мы проверим. На работу к ней ты уже ходила?

– Как раз оттуда. Они там просто раздавлены. На Армель Деплеш там все держалось. Деловая, дружелюбная, способная разрулить любой конфликт…

– Никаких трений ни с кем?

– На первый взгляд нет. Мало того, после ее гибели они оказались в жутком дерьме. Она занималась раскруткой фильма, который только что закончили снимать, и заменить ее некем.

– У них ничего не пропало? Ну там, важные бумаги, документы, что-нибудь еще в этом роде?

– Нет. Да и кого это могло бы заинтересовать? У нее даже драгоценности не украли. И записную книжку…

– Что-то страшновато мне, – сказал Мартен, усаживаясь в свое кресло.

– Что-что?

– Если мы не установим этот чертов мотив…

Она кивнула. Она отлично понимала, что он имеет в виду.

– Не забудь, тебя ждет Руссель.

Он резко вскочил из-за стола и вышел из кабинета.

Жаннетта вздохнула.

Если Мартен не ошибается, если его опасения подтвердятся и за первым убийством последуют новые, это означает, что им предстоят долгие недели напряженной работы вне всяких графиков и без выходных. Ее дочке исполнилось два года, и каждое утро, целуя ее на прощание, она чувствовала, как у нее прямо-таки сердце разрывается. За переработку им никто не заплатит, и, спрашивается, на какие шиши ехать летом отдыхать. Да и мужу, который и без того все заметнее проявляет недовольство, это вряд ли понравится…

Нет, нельзя так рассуждать, оборвала себя Жаннетта. Молодая, ни в чем не повинная женщина погибла ужасной смертью. Свершилась чудовищная несправедливость. А она слишком хорошо знала себя, чтобы понимать: пока они не доведут расследование до конца, пока не установят истину – если только, как это часто случалось, руководство не отберет у них дело, – не видать ей ни сна, ни покоя.

Мартен миновал длинный коридор, толкнул небольшую дверь, вскарабкался по винтовой лестнице, распахнул еще одну дверь и очутился в другом коридоре, отличавшемся от первого только цветом линолеума – светло-зеленым вместо коричневого, – спустился на несколько истертых ступенек, открыл очередную дверь и вышел на площадку между этажами монументального здания мэрии.

По мраморной лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, он поднялся на последний этаж и узким чердачным коридором со скрипучим полом добрался до нужной ему двери, в которую и постучал.

Открывшей ему женщине было за пятьдесят. Забранные в пучок чуть вьющиеся волосы с легкой сединой, овальные очки в металлической оправе, прекрасные голубые глаза, выразительный рот, аппетитная пухлая фигура… Но главным достоинством Лоретты – во всяком случае, по мнению Мартена – оставался голос, богатый модуляциями и способный по желанию обладательницы то обволакивать собеседника мягким бархатом, то колоть его и резать не хуже ножа. Они относились друг к другу с величайшим уважением, какое способны питать друг к другу только настоящие враги. По профессии она была психологом, имела кучу званий и даже написала три книжки, по двум из которых училось подрастающее поколение. Но подлинным ее призванием, удовольствием

и смыслом жизни было то, чем она занималась в этом скромном кабинетике под самой крышей, беседуя со слетевшими с катушек мужчинами и женщинами. Каждую отставку, каждое временное отстранение от службы, каждое самоубийство полицейского она воспринимала как личное оскорбление.

Вдоль стен тянулись стеллажи, плотно уставленные книгами и журналами; громоздились они и на полу, покрытом восточным ковром веселенькой яркой расцветки.

– О, никак это Мартен? Наконец-то решились меня навестить! – воскликнула она, иронично улыбаясь.

Протискиваясь в кабинет, он слегка задел ее пышное бедро.

– Вы мне приснились, – произнес он, усаживаясь в кресло напротив письменного стола, занимавшего три четверти тесного помещения мансарды. – Я был взволнован.

– Мы вместе работали над каким-то делом? – удивленно спросила Лоретта.

– Не совсем. Мы трахались.

В действительности это провокационное заявление было выдумкой только наполовину. Похожий сон и правда приснился ему два месяца назад, только он проснулся раньше, чем успел осуществить свое намерение, отчего у него осталось неприятное чувство незавершенности. Однако сон его заинтриговал: наяву он никогда не думал о ней под этим углом.

Она отвернулась, пряча смущение, но Мартен видел, что она покраснела, и это доставило ему некоторое удовольствие.

Но вот она снова села лицом к нему, непроизвольно подобрав под кресло ноги.

– И это все, что вы хотите мне сказать? – усмехнулась она. К ней вернулся весь ее апломб. – Вы уже многие годы мечтаете со мной переспать. Как, впрочем, большинство мужчин мечтает переспать с большинством знакомых женщин. И наоборот. Мои прелести здесь ни при чем.

Она была замужем трижды, и сейчас жила одна, но не в одиночестве – если верить слухам.

– У вас усталый вид, – добавила она. – Работы много?

– Только не надо профессионального сочувствия, – сердито отмахнулся он.

Она тотчас же примирительно подняла ладонь:

– Извините.

Всем своим видом она давала понять, что на своем веку таких, как он, видала-перевидала.

В разговорах с ней он быстро впадал в агрессивный тон, за что потом на себя злился. Возможно, ему хотелось завязать с ней более близкое знакомство, хотя он побаивался ее прекрасных голубых глаз, способных читать в нем, как в открытой книге. Она скрестила пальцы:

– Если у вас личная проблема, Мартен, запишитесь ко мне на прием. Если вам нужен совет, у меня есть на вас ровно десять минут.

– Вчера неизвестный убил выстрелом в горло из арбалета молодую, красивую, замужнюю бездет ную женщину. Убийство явно преднамеренное и тщательно подготовленное. Он целился ей в лицо, стрелял метров с десяти и, судя по всему, больше к ней не притрагивался. Мотив неясен. В жизни женщины и ее мужа нет ничего, что навело бы нас на след. При ней были драгоценности, были деньги, но он украл только спортивную сумку, с которой она возвращалась из бассейна.

Психолог позволила себе несколько секунд раздумий.

– Интересно, – произнесла она наконец.

Вжалась в кресло, сняла очки и принялась задумчиво покусывать свои полные губы. Он молча ждал.

– Почему вы подчеркнули, что он целился ей в лицо? У вас есть на это какая-то особая причина?

– Да нет. Сам не знаю. Просто это представляется мне важным, хотя я не понимаю почему. Возможно, это вообще не имеет значения. Либо она его не знала, либо знала. В последнем случае не исключено, что он хотел, чтобы она видела, кто ее убивает. Но что-то здесь не вяжется. Все, кто с ней общался, в один голос утверждают, что у нее не было никаких врагов. Муж любил ее без памяти, сестра обожала, коллеги тоже. Она вела абсолютно размеренную жизнь – разлинованную, как нотная бумага.

– Я понимаю, что вас беспокоит, – сказала она, снова водружая на нос очки. – Отсутствие мотива… Вы справлялись с картотекой? Насчет преступлений схожего типа?

– Проверим сегодня утром.

– Будем надеяться, что это предположение не подтвердится, – со вздохом произнесла она. – Но с таким малым количеством улик…

Она не договорила, да это было и не нужно. Любое немотивированное преступление может означать начало серии. Праздник сердца для прессы, кошмар для полиции.

– Не вешайте нос, – сказала она, поднимаясь. – Я психолог, а не вещунья. Сообщите мне больше данных, и я сделаю все возможное, чтобы вам помочь.

Она пожала ему руку.

– Доверьтесь своей интуиции, Мартен, – в заключение проговорила она, подталкивая его к двери. – Думаю, вы правы. Дело не в украденной сумке. Фетишист унес бы с места преступления трусы или туфли. Или прядь волос. Главное, что он пошел на риск и стрелял ей в лицо. И стрелял наверняка. Да, кстати, по поводу вашего сна. Как у нас с вами было? Ничего?

Он ушел, не оборачиваясь, но до самого конца коридора слышал ее смех.

Глава 9

Вот уже почти месяц она его практически не видела. Почти месяц он ее не бил. Возвращаясь с работы, она по многочисленным признакам догадывалась, что он заходил домой: принимал душ, забирал чистую одежду, лазил в холодильник. Но все это он проделывал в ее отсутствие. Всего дважды они вечером столкнулись лицом к лицу, и оба раза он прошел мимо, не удостоив ее взглядом.

Иногда она просыпалась среди ночи с колотящимся сердцем. Она знала, что он здесь, в доме. Ей чудилось, что он заходит в спальню и смотрит на нее. Чего он хочет? Что замышляет?

Почему он вдруг так резко изменился? Что с ним произошло?

Она слышала его тяжелые шаги на лестнице. Слышала, как он забирается на чердак или шурует в кладовке, прежде служившей детской комнатой. Что ему там нужно?

Однажды она случайно перехватила его взгляд в зеркале над камином в гостиной и в этом мимолетном взгляде с изумлением прочла какую-то лукавую усмешку. Впрочем, он сейчас же отвернулся.

Она понемногу перестала бояться его беспричинных взрывов ярости, но настоящий страх, тот, что гнездился в самых потаенных уголках ее души, никуда не делся. Она была уверена, что правильно расшифровала значение того странного взгляда, каким он смотрел на нее, не подозревая, что она его видит. Она точно знала, вернее, чувствовала: он что-то затевает.

Она не имела ни малейшего понятия, что это может быть, но не сомневалась: это напрямую связано с ней и не сулит ей ничего хорошего. Раньше она точно знала, что угрожает ей вечером. Теперь она не знала ничего, и это было хуже всего.

Да, привычный физический страх стерся, зато новый, безымянный страх преследовал ее повсюду: на работе, в метро, дома. И без того запуганная, измученная стыдом, она уже давно воздвигла вокруг себя непроницаемую стену, пробить которую было не под силу никому, включая ее родную сестру. На

обеденный перерыв она всегда уходила одна, чаще всего дождавшись, когда коллеги вернутся в офис. Если ее спрашивали, почему она не обедает в общей компании, она отговаривалась срочной работой или необходимостью забежать в магазин.

Но сейчас все стало намного хуже. Ей казалось, что ее заперли в стеклянной камере, где нечем дышать. Свою работу она старалась делать безукоризненно, но, вернувшись домой, садилась к столу в гостиной или на кухне и сидела так, не шевелясь, а потом, подняв глаза, обнаруживала, что прошло уже два часа. Поскольку ужинала она теперь в одиночестве, то все чаще предпочитала обходиться вовсе без еды. Спать ложилась не раздеваясь, по два, а то и по три дня не меняла одежду – это она-то, помешанная на чистоте.

Сослуживцы, как мужчины, так и женщины, пытались ее разговорить, но вскоре махнули на нее рукой, побежденные ее молчаливым равнодушием. Она и не подозревала, какими взглядами они провожают ее и какими репликами обмениваются у нее за спиной.

Она старательно выписывала колонки цифр – они оставались единственным, на чем она еще могла заставить себя сосредоточиться.

Как-то раз к ней подошла одна из начальниц – темноволосая женщина с решительной походкой, – и она внутренне вся сжалась, готовая к побоям. Господи, да что она, с ума сходит, что ли? Уж здесь-то ее точно никто бить не станет.

Женщина склонилась к ней так близко, что едва не уперлась в нее лбом. Ее глаза пылали гневом.

– Прервитесь и зайдите ко мне в кабинет. Немедленно, – с трудом сдерживая злость, сказала она.

Вокруг мгновенно стихли все разговоры. Впрочем, она этого даже не заметила. Поднялась из-за стола и пошла за начальницей, которая быстрым шагом уже покидала помещение.

Начальница закрыла за ними дверь кабинета и развернулась к ней.

– Что на вас нашло? – сухо спросила она.

Она заморгала глазами. Что она имеет в виду?

– Очень хорошо. Продолжайте и дальше прикидываться дурочкой. Мне только что звонил наш аудитор. В балансе полно ошибок. В таком виде его невозможно отправлять на внешний аудит. Вообще непонятно, как вам удалось допустить столько ляпов, и каких! Повторяю свой вопрос: что на вас нашло?

Слова потрескивали где-то на обочине ее сознания, не до конца проникая в мозг. Она понимала, что женщина рассержена, но причина негодования от нее ускользала, да и, честно говоря, была ей безразлична.

Она посмотрела в окно, затем перевела взгляд на свои пальцы.

– Что с вами творится, Розелина? – спросила начальница, с неожиданной силой беря ее за руку.

Она вскинула было руку, защищая лицо, но тут же уронила ее.

Начальница покраснела и выпустила ее руку, словно обжегшись.

– Вы что, подумали, что я могу вас ударить? – совсем другим голосом спросила она.

Розелина не ответила, горько сожалея, что бессознательным жестом выдала себя.

У женщины смешно скривилось лицо и раздулись ноздри.

– У вас свитер весь в пятнах. От вас пахнет потом. Вы ни с кем не разговариваете. Вы перестали за собой следить. На вас это совсем не похоже. Розелина! Вы меня слышите? Что с вами происходит?

Она покачала головой. Надо что-нибудь ответить, иначе от нее не отцепятся.

Женщина по-прежнему не сводила с нее глаз. Она больше не выглядела сердитой, скорее – озабоченной.

– Розелина, вы не хотите со мной разговаривать? Не хотите сказать, что с вами случилось?

Она напряглась, сообразив, что угодила в ловушку. Рассказать о том, что с ней случилось? Это казалось настолько немыслимым, что почти развеселило ее. Прежняя Розелина наверняка залилась бы громким хохотом. Нельзя. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы начальница догадалась, что на самом деле происходит. Розелина сама не понимала почему, но твердо знала: надо во что бы то ни стало избавиться от этого внимательного, пронизывающего, почти плотоядного взгляда. Надо бежать. Это придало ей сил, и она сумела выдавить из себя подобие улыбки. У нее было такое чувство, будто она вообще разучилась говорить. Язык в пересохшем рту стал тяжелым, как гиря.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – наконец пробормотала она.

Неловко развернулась, на ощупь нашла дверную ручку и вышла в коридор, каждую секунду опасаясь, что начальница нагонит ее и прикажет вернуться в кабинет.

На минутку заглянула в свою комнату – забрать сумку и куртку.

Она не помнила, как добралась до дому. Дома никого не было. Она и в самом деле паршиво себя чувствовала. Настолько паршиво, что уже не справлялась с работой. Последняя ниточка, связывавшая ее с реальным миром, истончалась на глазах.

Она легла на бок, подтянула коленки к груди и провалилась в сон.

Глава 10

Руссель заставил Мартена прождать добрых десять минут. Преодолев раздражение, он воспользовался возникшей паузой и позвонил Жаннетте –

узнать, начата ли проверка по всем базам данных: уголовного розыска, Министерства внутренних дел и прочих, а также напомнить, чтобы она связалась с Интерполом.

Руссель был моложе его на два года, хотя выглядел старше. Точнее говоря, он вообще не имел возраста, всегда одетый в неизменно серый костюм с такой же неизменно голубой сорочкой и крайне ограниченным набором галстуков, по большей части однотонных, реже – в горошек. Его впалые щеки прорезали две глубокие складки, спускавшиеся к уголкам рта, – признак заядлого курильщика. Иных пороков за ним не числилось.

Когда Мартен вошел в кабинет, он читал его предварительный рапорт.

Лишь дочитав до самого конца, Руссель поднял глаза.

– Что-нибудь еще есть? – спросил он, глядя на Мартена поверх узких очков. Здороваться он, очевидно, не находил нужным.

– Здесь почти все. За одним исключением. Убийца украл спортивную сумку жертвы. Я только сегодня утром сообразил.

– Не нравится мне все это, – сказал Руссель. – Отец убитой женщины раньше работал советником в мэрии.

В способности мгновенно учуять в любом деле политическую подоплеку, мало кто мог сравниться с Русселем.

– Вы думаете, здесь есть зацепка? – удивился Мартен, изображая дурачка. – Политический противник отца убивает дочь?

Руссель испепелил его взглядом.

– Вы прекрасно поняли, что я имел в виду. Что там у вас с ограблением ювелирной лавки?

– Мы задержали троих подозреваемых. Один уже дал признательные показания.

– Отлично. Надо бы мне почаще уезжать на конгрессы, – с почти человечной улыбкой добавил он. – Значит, так. Бросайте все остальные дела и занимайтесь убийством. Договорились?

Мартен кивнул.

– И вы должны иметь со мной постоянную связь. Хотя бы по телефону, если на иное не будет времени.

Мартен сдержал смешок. Сейчас он расскажет Жаннетте, что Руссель хочет иметь с ним постоянную связь, и еще до конца рабочего дня этот перл облетит всю контору.

Жаннетта сидела за компьютером, и от экрана монитора на ее лицо падали голубоватые блики. Она указала ему на листы бумаги, выползавшие из принтера. Ей уже удалось получить первые результаты, например, выяснить кое-что об убийствах, совершенных за последние пятнадцать лет с применением метательного оружия. Таковых оказалось три.

В 1994 году в Марселе погиб африканец, пронзенный копьем, изготовленным из железного дерева. Убийцу поймали и осудили. Он по сей день отбывает срок в тюрьме.

В 1989 году от брошенного в грудь кинжала погибла молодая женщина. Вместе со своим другом она репетировала цирковой номер. Следствие пришло к выводу об убийстве по неосторожности. Друг получил условный срок, и больше о нем никто никогда не слышал.

В 1987 году в лесу под Морбианом обнаружили тело подростка со стрелой из орешника в глазу. Опросили его приятелей, но никого не только не арестовали, но даже не задержали по подозрению в убийстве, и в конце концов дело было закрыто.

Мартен попросил Жаннетту как можно оперативнее раздобыть ему через канцелярию суда Лорьяна копию всего дела или хотя бы основных документов по нему. На ожидание, по всей вероятности, должно было уйти две-три недели.

Затем он позвонил судмедэксперту, который посоветовал ему обратиться к Билье в экспертно-криминалистическую службу. Он так и сделал. Билье пригласила его заехать – кажется, она обнаружила кое-что, способное вызвать его интерес. Разумеется, она могла сообщить ему свои новости по телефону, подумал Мартен, но криминалисты так гордились своей профессией, что просто обожали демонстрировать плоды своих трудов следователям, возможно пытаясь доказать, что сегодня преступления раскрываются главным образом в их лабораториях. Мартена это не смущало. Билье ему нравилась. Ей, одной из немногих, удалось хотя бы на время положить конец изматывающей войне, которую на протяжении многих лет биохимики, физики и другие специалисты вели против судебных медиков, медленно, но неотвратимо свергаемых с привычного пьедестала благодаря достижениям современной криминалистики.

Билье, симпатичная рыжеволосая женщина тридцати восьми лет, носила белый халат, туго стянутый на пышной груди. Мечта подростка. Увы, ниже пояса любителя центральных разворотов “Плейбоя” ждало разочарование: в двенадцатилетнем возрасте Билье перенесла полиомиелит, в результате которого недоразвилась правая нога. Она так и осталась тоньше левой и существенно ограничивала свободу движения своей обладательницы. Впрочем, Билье, постоянно занимаясь реабилитационной гимнастикой, научилась ходить, почти не хромая.

Войдя в лабораторию, Мартен застал ее за микроскопом. С ней был ее ассистент – юный эфеб с темными кудрявыми волосами и бледной кожей. Мартен уже не раз встречался с ним здесь.

На лицах у обоих были одинаковые, закрывающие нос и рот маски – в таких обычно ходит персонал реанимационного отделения больниц. Парень сидел рядом с Билье и производил какие-то загадочные манипуляции с большой коробкой, из которой торчали пучки проводов. Покосившись на Мартена, он дернул подбородком, указывая ему на контейнер с масками, и вернулся к своей работе.

Что-то неуловимое в поведении этой парочки выдавало существовавшую между ними близость, и у Мартена мелькнула мимолетная мысль, не выходит ли эта близость за рамки производственных отношений. Билье была замужем за крупной шишкой в области авиастроения, и у них было четверо детей.

Мартен натянул маску и, не вынимая рук из карманов, прошелся по лаборатории.

– Я сейчас, – не поворачивая к нему головы, бросила Билье. – Посмотри на подносе, только ничего не трогай.

Мартен приблизился к столу, заваленному папками и разнообразными инструментами, на котором, кое-как пристроенный, стоял металлический поднос. На его блестящей гладкой поверхности покоились две крохотные белые фарфоровые чашечки.

На дне чашечек он заметил неопределенного цвета крупицы пыли, слегка отсвечивавшие в ярком свете галогенных светильников, укрепленных над столом.

На боку одной из чашечек красовалась этикетка с буквой “А”, на боку второй – этикетка с буквой “Б”.

К нему подошла Билье.

– Ты, кажется, накричал на моего бедного Фабьена, – сказала она, тронув его за плечо и чмокнув в щеку. – Я его сама сегодня отругала. Скажи, Фабьен.

Фабьен ничего не ответил. Мартен начал проявлять признаки нетерпения.

– Ладно, не нервничай, – сказала Билье. – В чашке “Б” находится песок и цемент, собранный возле подъезда, на расстоянии восьми метров восьмидесяти сантиметров от тела. В чашке “А” – песок и цемент, извлеченный из-под ногтей жертвы на правой руке и с земли непосредственно под ее пальцами. Песок и цемент идентичны. Следишь за моей мыслью?

– Он наступил ей на руку?

– Полагаю, что да. Просто не вижу иного объяснения. Больше нигде – ни на теле, ни на одежде – не обнаружено ни малейших следов песка или цемента. И песок, и цемент – импортного производства. То есть это не уличный песок и не уличная цементная пыль.

– А происхождение того и другого можно установить?

– Конечно. Содержание кварца и хлорида натрия указывает, что песок добыт в одном из карьеров на западе страны, на двенадцать процентов обеспечивающем потребности всей строительной промышленности, а также снабжающем гипермаркеты, торгующие стройматериалами.

– А что насчет цемента? Ты его пропустила через свою машинку?

– Разумеется, но спектрограф не волшебная палочка. Ты должен знать, что в природе цемент не встречается. Это искусственный материал, получаемый при нагревании смеси, в основном состоящей из глины и извести. Технологически этот процесс везде один и тот же. Поэтому определить, где произведен цемент, невозможно.

– Если он наступил ей на руку, значит, должны были остаться следы?

– Я тебя обожаю, – сказала она. – У нее сломан мизинец. Практически раздавлен.

– Отлично. Я поговорю с судебным медиком.

– Он прислал мне фотографии и рентгеновские снимки. У него сейчас восемь вскрытий, и он уже с ними запаздывает, так что он попросил, чтобы я сама тебе все объяснила.

Мартен уважительно улыбнулся. Ну сильна! Добиться такой уступки от типа, славившегося воинственностью, сравнимой разве что с несговорчивостью шефа всей службы судебной медицины!

Она достала из ящика стола папку и открыла ее.

Раненую руку сфотографировали со вспышкой в разных ракурсах. Затем палец вскрыли и сфотографировали с увеличением места перелома второй фаланги.

Мартен не стал слишком пристально вглядываться в снимки. Гораздо больше его интересовали выводы судмедэксперта Буасье и самой Билье.

Она указала ему на линию перелома:

– Вот, смотри. По краю кость почти раздавлена. Буасье подобрал кость сопоставимого размера и попытался разными способами ее раздавить. Перепробовал множество видов подошв. Это ничего не дало. Тогда его осенило. Он взял молоток и стукнул по краю кости. Получилась почти в точности та же картина.

Мартен решил воздержаться от вопроса, где медик нашел обломок кости.

– Неужели ты думаешь, что он разбил ей палец молотком?

И прикусил язык. Разумеется, нет. Как же он забыл про песок и цемент!

– Понял. На убийце были ботинки со стальными каблуками, – снова заговорил он. – Или, по крайней мере, частично стальными. Так?

Билье улыбнулась:

– Это еще не все. Я тоже провела кое-какие тесты. Фабьен раздобыл пресс с регулятором силы давления и провел серию испытаний. Результат здесь, вот на этом снимке. Давление примерно соответствует весу в восемьдесят три килограмма, плюс-минус один процент. Так что твой убийца в одежде и ботинках со стальными каблуками весит от восьмидесяти двух до восьмидесяти четырех килограммов.

Мартен кивнул. Отличная работа. Только вот что это дает? Он называл подобные улики запоздалыми. Ими можно было воспользоваться, только если в деле уже имелся подозреваемый. Или если подозреваемых было несколько…

Билье прочла на его лице разочарование.

– Ну, извини, что не смогла преподнести тебе жирный и четкий отпечаток пальца, зарегистрированный в картотеке, – сухо произнесла она.

– Прости, – ответил он. – Вы молодцы. Хорошо поработали.

– А кто тебе сказал, что мы уже закончили?

Мартен еле сдержал вздох. Накануне вечером, засыпая, он дал себе слово, что больше не будет вздыхать. Ну, или постарается делать это как можно реже.

– Стрела.

Мартен качнул головой.

– Болт, – поправил он ее. – Правильно это называется “болт”.

Она улыбнулась:

– Вот именно. Болт самодельный. И на нем нет ни одного отпечатка. Ни малейших следов органических тканей, если не считать тканей жертвы.

Она протянула руку за коробкой, в которой лежали детали метательного снаряда. Наконечник, трубка и кусочки пластика, служившие опереньем.

– Наконечник, скорее всего, сделан из обломка старой свинцовой водосточной трубы. Преступник нагрел металл, придал ему нужную форму и отшлифовал наждаком. Мы нашли в его составе частицы краски. Откуда труба, сказать, конечно, нельзя – слишком она старая. Теперь трубка. Она – из алюминия. От какого-то приспособления, возможно, кухонного, точно не знаю. Правда, анализ показал наличие в металле повышенного содержания примесей, из чего следует, что выплавлен он был не во Франции и даже не в Европе и не в Северной Америке, где действуют строгие стандарты. А вот оперение преподнесло нам кое-какие сюрпризы.

Она достала один пластиковый язычок и согнула его пальцами. На одном из концов язычка все еще виднелись следы клея.

– Клей самый обыкновенный, здесь для нас нет ничего интересного. А вот на это посмотри внимательней. Материал тонкий, но не слишком, зато гибкий и прочный. Растягивается в длину почти втрое и не рвется, а отпустишь – сейчас же принимает первоначальную форму. Обрати внимание на цвет. Ни о чем тебе не говорит?

Кусочки пластика были бледно-голубого, почти белого цвета.

Его замешательство вызвало у нее очередную улыбку.

– Это специальным образом обработанная резина, используемая при строительстве бассейнов.

Мартен поднял брови.

– Ее укладывают на дно бассейнов. Сверхпрочный и непромокаемый материал. И очень современный. Им выстилают всю чашу бассейна и закрепляют на бортиках. Благодаря его изобретению сооружение и содержание бассейнов стало намного дешевле. Но на улице такой материал не валяется. Твой убийца явно использовал какие-то обрезки.

Свинцовая водосточная труба, песок, цемент, особая резина… Мартен улыбнулся. Это уже на что-то похоже.

Глава 11

Мириам молча на чем свет кляла последнего клиента. Из-за него она опаздывала на свидание со своим женихом Реми. Место встречи выбрал он. Знаменитый модный ресторан, расположенный на улице Фобур-Сент-Оноре. Мириам ненавидела подобные заведения, но с пониманием отнеслась к выбору Реми. По всей видимости, он искренне хотел доставить ей удовольствие, просто пока не разобрался в ее вкусах.

Она припарковалась на переходе, добежала до входа и целых пять минут ждала, пока не появился служащий ресторана, отогнавший ее “мини-купер”. И сто раз пожалела, что не оставила машину на стоянке на Вандомской площади.

Она спросила у женщины-метрдотеля, где столик месье Ренье, и перед ней возникла молоденькая официантка в низко сидящих джинсах, открывавших сантиметров двадцать загорелого живота, и расслабленной плавной походкой повела ее через лабиринт утопавших в полумраке комнаток, тесно заставленных

столами, стульями, диванами и разнокалиберными креслами, многие из которых были заняты.

Между столиками безостановочно сновали официанты и посетители, средний возраст которых не превышал тридцати лет, хотя кое-где взгляд натыкался на седеющую голову или лицо с явными следами недавней подтяжки. Ей показалось, что она узнала двух известных актрис, чьи имена выпали у нее из памяти, и одного сидевшего с победным видом телеведущего.

Девушка довела ее до небольшого внутреннего дворика, где под темными зонтами стояли столики, и исчезла так же быстро и безмолвно, как появилась.

Реми сидел спиной к ней, в три четверти оборота, склонившись над своим наладонником и привычными движениями порхая пальцами по клавишам. Мириам не спешила объявлять о своем приходе и какое-то время просто смотрела на него, охваченная предвкушением удовольствия. Он был красив как бог, а главное, сам об этом, судя по всему, даже не подозревал. Ей захотелось сейчас же, сию же минуту, схватить его за руку и увести домой – к себе или к нему. Или в первый попавшийся отель. Может, в этом странноватом местечке и номера сдают? И тут же, без перехода, предчувствие наслаждения сменилось в ней сознанием вины. Она ощущала себя виноватой за то, что вчера переспала с бывшим мужем. А еще – за то, что первой устроила свою жизнь, тогда как Мартен по-прежнему оставался один и, по всей видимости, так и не сумел ни с кем завязать прочных отношений, хотя расстались они уже два с половиной года назад.

Она легко коснулась ладонью плеча Реми, погладила его по затылку и поцеловала в ухо, после чего обошла разделявший их огромный круглый стол. Чтобы она могла сесть, юноше за соседним столом пришлось передвинуть свой стул. Круглый стол шатался. Реми сидел дальше от нее, чем посетители за соседними столами. Из динамиков, спрятанных под элементами декора, лилось нечто невообразимо тошнотворное – ремикс шлягера восьмидесятых, под звуки которого она танцевала со своими первыми ухажерами. Решительно, этот ресторан внушал ей все большее отвращение.

– Ну, как тебе тут? – спросил он.

– Обалденно, – ответила она, протягивая ему руку и сплетая его пальцы со своими. – Не говоря уж о том, что я умираю с голоду и хочу тебя.

Он заозирался по сторонам – не слышал ли кто ее слов, и она тихонько засмеялась, зачарованная скромностью тридцатидвухлетнего мужика.

Реми был женат, и уже вторым браком. Его жене было тридцать лет. От первого брака у него было двое детей – мальчик восьми и девочка шести лет; вторая жена родила ему сына, которому недавно исполнилось два года. В следующем месяце они должны были оформить развод.

Семейная жизнь Реми дала трещину сразу после рождения ребенка, задолго до того, как он встретил Мириам. Несмотря на это, она чувствовала себя последней негодяйкой, хотя сознание того, что он предпочел ее женщине на десять лет моложе, наполняло ее гордостью.

Реми занимал важный пост в Министерстве культуры. Они с Мириам познакомились во время осмотра дома – престижного особняка, в который он, пользуясь налоговыми послаблениями закона Мальро, собирался вложить свои средства. Фирма Мириам сотрудничала с финансовым консультантом, специализировавшимся на инвестициях в недвижимость, обеспечивающих налоговые послабления.

Мириам, изучившая все документы, знала, что Реми и его супруга поженились без брачного контракта (из чего вытекало, что их общей собственностью являлось только совместно приобретенное имущество), и удивлялась сама себе: с чего это она старается укрепить их брак с помощью финансовых операций, если страстно мечтает, чтобы они поскорее расстались. Как бы там ни было, жена Реми выставила его из дому, и последние два месяца он жил в отеле.

Реми вытянул свои длинные ноги.

– Я тоже тебя хочу, – прошептал он, ногой поглаживая ее щиколотку.

– Пошли отсюда? – предложила она.

– Я уже заказал тебе шампанское. Если хочешь, потом уйдем.

– Нет, ты прав. Надо что-нибудь съесть. У меня с утра маковой росинки во рту не было. Здесь не очень медленно обслуживают?

– Довольно медленно, – ответил он.

– Ты часто сюда ходишь?

– Нет. Иногда вожу зарубежных коллег. Им нравится. Парижский дух, модное местечко…

Она скорчила рожицу.

– Ну, извини, – сказал он. – Я попросил секретаршу забронировать мне столик для делового ужина с коллегой из провинции, вот она и расстаралась. Пора отучаться врать.

К себе в отель он ее пригласить не мог – опасался, что выследит жена, заинтересованная в том, чтобы получить при разводе компенсацию побольше.

Мириам повезла его к себе. По дороге она без конца петляла, а он с риском свернуть шею крутил головой, высматривая возможный “хвост”. Она даже поставила машину на частную парковку с двойными воротами – хорошо, что помнила код.

Они сразу легли в постель. Еще в начале их связи Мириам поняла, что, если хочет чего-то новенького, должна проявлять изобретательность. У него с эротическим воображением дело обстояло неважно. Она догадывалась, что он воспитывался в буржуазной, если не в религиозной семье, что мешало ему дать волю собственным фантазиям; со своей стороны, она недостаточно хорошо его знала, чтобы взять на себя инициативу, способную шокировать его смелостью, и потому их первые опыты слегка разочаровали ее. Впрочем, это было не страшно. У них впереди много времени, чтобы ближе узнать друг друга. Отчасти в этом тоже был свой шарм. А уж шарма ему было не занимать. Он отличался острым умом, а его чувство юмора, граничившее с цинизмом, веселило ее, хотя порой почти злило. Он ко всему относился наплевательски – кроме своей работы и их романа.

У него было стройное тело теннисиста и до странности безволосая кожа. В нем было что-то от патриция и вместе с тем угадывалась какая-то глубоко запрятанная слабость, которая ее возбуждала.

Во многих отношениях он являл собой прямую противоположность Мартену, и она не раз задавалась вопросом, не это ли и притягивает ее. В общении с ним ее не покидало ощущение, что она исследует чужую, экзотическую территорию. В ее жизни было не так много мужчин, но с каждым ее связывала целая история. Первый любовник появился у нее в пятнадцать лет; когда ей исполнилось восемнадцать, они поженились, а еще через десять – развелись. В этом браке она родила дочку, умершую в младенчестве, и с тех пор решила, что больше детей у нее не будет.

С Мартеном – как впоследствии и с Реми – она познакомилась по работе, в рамках расследования серии ограблений, совершавшихся почти исключительно в домах, продажей которых занималось агентство Мириам, где она тогда была рядовой сотрудницей.

Он долго и подробно допрашивал ее, очевидно подозревая в причастности к преступлениям. Спустя какое-то время они снова встретились, на сей раз случайно, и она поинтересовалась, поймал ли он грабителей. Да, в конце концов жандармы их арестовали, сказал он, хотя сам давно уже не занимался этим делом. Он сменил место работы и теперь трудился в уголовном розыске. Ей захотелось продолжить разговор; ему, как она догадалась, – тоже.

Он рассказал, что недавно потерял жену, погибшую в автокатастрофе, что долго сомневался, стоит ли принимать предложение о новом назначении, потому что оно означало, что работы и ответственности станет больше, а ему надо было заботиться о дочери.

Еще он сказал, что подыскивает себе квартиру. Ему казалось, что смена обстановки пойдет ему на пользу. Дочь страшно тосковала по матери, целыми днями сидела без дела и только перекладывала с места на место принадлежавшие покойной вещи.

Она предложила Мартену помощь и нашла ему идеальную квартиру, куда он, несмотря на рыдания и сердитое упрямство маленькой Изабель, вскоре и переехал.

В благодарность он преподнес ей ящик шампанского и огромный букет цветов. Эти дары особенно тронули ее, потому что она знала, что зарабатывает он гораздо меньше, чем она сама.

У них вошло в привычку встречаться, и эти встречи становились все более частыми, пока они вдруг не поняли, что уже не могут обходиться друг без друга.

Она познакомилась с Изабель и полюбила ее как родную дочь. Даже развод не сумел разрушить эту любовь. Редкий день проходил у нее без того, чтобы не поболтать с Изабель по телефону.

Даже сейчас, когда у нее появился Реми и она предполагала, что ему предстоит занять в ее жизни важное место, она с трудом представляла себе мир без Мартена.

– Тебе хорошо? – спросил Реми, кладя руку ей на живот. – Как это у тебя получается – быть такой загорелой?

– Есть специальные таблетки, – ответила она, в свою очередь легонько погладив его. – В котором часу тебе надо вернуться?

– Через час примерно. Надо, чтобы в отеле видели, что я пришел не слишком поздно. А завтра в пять я уезжаю в Кёльн.

– Тогда не будем терять время.

Он засмеялся, и она запрыгнула на него. Ей нравилось прикасаться своей грудью к его твердой худощавой груди. Она обхватила его за запястья, развела ему руки и принялась покусывать его в лицо и в шею.

Он пытался сопротивляться. Пытался высвободить руки. Но преимущество было на ее стороне, к тому же она была не слабей его. Но что-то смущало ее в этой игре, и она впервые призналась себе, что смущена. Он и в самом деле казался полной противоположностью Мартену. У того развитая мускулатура идеально сочеталась с крупным телом. И хотя он ни разу не сделал ей больно, в его объятиях, несмотря на свои упорные занятия спортом, она чувствовала себя ребенком в медвежьих лапах. Это ее нервировало и интриговало.

Действуя рукой и языком, она помогла Реми достичь нужного состояния, одновременно другой рукой лаская себя. Ей хотелось, чтобы он перевернул ее на спину и зарылся лицом в ее вагину, но он продолжал лежать неподвижно, в той позе, какую она вынудила его принять.

– Обожаю, когда ты меня сосешь, – сказал он, и она едва удержалась, чтобы не расхохотаться.

Она уже знала, что, осмелев, он любит говорить в постели слова, которых не употребляет в обычной жизни, как будто вступает в новую вселенную, где больше не существует словаря табу, утратившего всякое значение на фоне непристойности происходящего. Эта мысль неприятно кольнула ее, потому что, если довести ее до логического завершения, из нее вытекало, что он считает секс чем-то грязным.

У него был длинный и тонкий пенис с твердой, похожей на наконечник копья головкой. Активно работая бедрами, она тем не менее сумела ощутить его, когда он вошел в нее.

Она медленно приподнялась и сделала движение ему навстречу, испытала оргазм и почти сразу же еще один, но его член уже увял. Он так и не кончил. Она открыла глаза и вгляделась ему в лицо, пытаясь угадать, чего он хочет. Он улыбнулся ей.

– Если хочешь, чтобы я кончил, тебе придется немножко потрудиться, – сказал он. – Что-то малыш сегодня не в форме.

Она кивнула, отвечая на его улыбку, и принялась за дело. Она немного сердилась на него за пассивность, но тут же вспомнила, что накануне упрекала Мартена как раз в обратном.

Мельком подумав, что ведет себя как шлюха, она вскарабкалась на него и сунула ему в рот сначала одну грудь, а затем и другую. Он послушно приник к ним, и она на ощупь определила, что с ним все в порядке.

Он снова вошел в нее, она задвигалась, и ее накрыло третьей волной оргазма, на сей раз одновременно с ним. Ей не хотелось шевелиться. Она бы еще долго лежала так, прижавшись к нему всем телом, уткнувшись головой ему в

подмышку и тесно сплетясь с ним ногами, но он мягко подтолкнул ее, и она скатилась вниз.

Он быстро поднялся и почти бегом бросился в ванную, прихватив с собой трусы и рубашку. Теперь, когда все было позади, он стеснялся своей наготы.

Когда он вернулся, она лежала на спине и изучала взглядом потолок.

– Спи, любимая, – сказал он, наклоняясь над ней.

– Нет, я не хочу спать, – ответила она, не сводя взора с потолка. – Сейчас встану.

Она посмотрела на него:

– Извини, задумалась.

В его глазах мелькнула настороженность:

– Все в порядке? У тебя такой вид, как будто ты чем-то озабочена.

– Не то чтобы озабочена… Просто вспомнилось кое-что. У нас работает одна женщина…

– И что?

– Сама не знаю. Работает она очень хорошо, но на этой неделе что-то на нее нашло. Она такого наворотила! Сегодня я ее вызвала и начала отчитывать. Она немного меня послушала – не спорила, не пыталась возражать, – а потом развернулась и ушла. И при этом так странно на меня смотрела, словно не понимала, о чем я ей толкую…

– И это все?

– Она ушла с работы, не отпрашиваясь. Ни с кем ни слова не сказала. Я потом поговорила с ее коллегой. Кажется, я сделала большую глупость, когда стала ее ругать. В последние дни она ведет себя очень странно. Понятия не имею, что я

должна предпринять. Может, мне следует съездить к ней домой?

Реми наклонился поцеловать ее в лоб. Галстук, который он только что завязал, свесился ей на грудь.

Она притянула его к себе. Он со смехом отстранился и поцеловал ее в соски.

– Может, еще разок? – предложила она.

Он с сожалением покачал головой.

– Через месяц, самое позднее через два мы будем вместе навсегда, – сказал он. – Что такое один месяц?

– Как ты думаешь, что я должна сделать для этой девушки? Если б только ты ее видел…

Он присел на край кровати и потрепал ее по бедру.

– Знаешь, когда руководишь людьми, не стоит слишком вникать в их проблемы. Насколько я могу судить, вы и так там балуете персонал. Не хватало тебе еще заморачиваться их личными трудностями – сама не заметишь, как они тебе на шею сядут. Я уж не говорю о том, что остальные сотрудники будут ей завидовать, пойдут дрязги и склоки. На твоем месте я бы вообще ничего не стал предпринимать. А если увидишь, что она не справляется со своими обязанностями, уволь ее, и дело с концом.

Мириам молча смотрела на него.

– Ты, конечно, думаешь, что я слишком суров?

– Нет, – выдавила она из себя. – Наверное, ты прав.

Он еще раз поцеловал ее в лоб:

– Не наверное, а точно. Я тебя люблю.

Он поднялся, надел пиджак, чмокнул ее в большой палец ноги и ушел.

“Уволь ее…” Мириам казалось, что некий невидимый бес опустил ей на сердце кусок льда и теперь этот лед таял, обволакивая ее холодной пеленой.

Дело было не в том, что он сказал, а в том, как он это сказал. Эта бесчувственная, лишенная эмоций рассудочность, это равнодушие технократа, которому плевать на людей. Впрочем, он таким и был на самом деле. И это ей совсем не нравилось. Сотрудник допустил промах – избавься от него. Жена не слишком умело демонстрирует, что дорожит тобой, – брось ее.

Мириам покраснела, противясь этому сопоставлению. Одно не имеет к другому никакого отношения. Жена Реми, точнее говоря, его бывшая жена – настоящая стерва. Она и ребенка-то завела, не посчитав нужным посоветоваться с ним. Он сам ей рассказывал. Как бы там ни было, они больше на дух не выносили друг друга. Конечно, они должны развестись. Хотя бы в интересах малыша. Ничего, она еще молодая, найдет себе другого.

– Вот черт! – вслух выругалась она.

Рывком вскочила с постели и пошла в душ.

В большой пустой квартире веяло печалью. А чего бы ей хотелось в идеале, подумала она. В молодости она часто сама с собой играла в эту игру, возможно пытаясь научиться приспосабливать реальность к своим желаниям. Если бы я могла делать именно то, чего мне хочется, что я стала бы делать? Вернула бы Реми и занялась с ним любовью. Или позвонила бы Мартену. Она потянулась к телефонной трубке, но отдернула руку. Нет. После того, что она ему наговорила, она больше не имеет права ему навязываться. Особенно среди ночи.

Она опять принялась мерить шагами квартиру. Когда это ей надоело, оделась и вышла из дому.

На машине она доехала до агентства, отключила сигнализацию, словно воровка, проникла в помещение и достала личные дела сотрудников.

Записала адрес и номер телефона Розелины.

Та жила в тридцати километрах к северо-западу от Парижа, в Сержи.

Мириам заколебалась. Сна по-прежнему не было ни в одном глазу.

Она поехала через весь Париж: миновала улицу Риволи и все еще оживленные, несмотря на поздний час, Елисейские Поля, вырулила на авеню Гранд-Арме, затем на авеню Нейи, где остановилась, пропуская толпу спешащих домой жителей пригородов, нырнула в длинный туннель в квартале Дефанс, выехала на шоссе A86, потом на A15, и через двадцать пять километров свернула на Сержи.

Куда двигаться дальше, она не знала. Решила ехать налево, вернулась к эстакаде и покатила по пустынной новостройке. Большинство светофоров на перекрестках перемигивались красными огнями.

На одном из них она чуть замешкалась, и ее нагнал белый “рено-19”. Четверо молодых чернокожих парней, сидевших в машине, уставились на нее холодными оценивающими взглядами. Она поскорее включила систему автоматической блокировки дверей, хотя понимала, что в случае нападения это вряд ли ее спасет. “Рено” вдруг сорвался с места, свернул налево и исчез в темноте.

Чуть дальше, за высокими административными и жилыми зданиями, выходившими на перекресток, начиналась территория, застроенная одноэтажными домиками. Мириам двинулась к ним и вскоре обнаружила освещенное панно, представлявшее собой карту города.

Подогнав машину как можно ближе к панно, она первым делом постаралась определить собственное местонахождение, а уже потом искать адрес Розелины.

Вот когда ей пригодился долгий опыт работы риелтором: она мгновенно нашла нужный адрес и выбрала самый короткий маршрут.

Быстро запрыгнув назад в машину, она тронулась с места, удивляясь полному отсутствию на улицах каких-либо признаков человеческого присутствия.

Розелина жила в небольшом доме старой постройки, похожем на сотни других таких же домов. Хотя нет, дом выделялся на общем фоне – на нем лежала трудноопределимая печать запущенности. Живую изгородь вокруг участка не подстригали уже бог знает сколько времени; разбитое стекло в одном из фасадных окон и не подумали заменить.

– Я, наверно, спятила, – сказала себе Мириам. – Что я делаю?

Она достала мобильный и набрала номер Розелины.

Прислушалась. В глубине дома раздались телефонные звонки. Они звучали долго, но трубку никто не снимал.

Она толкнула калитку и вошла.

Дверной звонок, судя по всему, не работал. Она постучала в дверь. Снова – никакой реакции. Мысленно обозвав себя чокнутой, она повернула ручку.

Дверь с легким скрипом отворилась, и она вошла в дом.

Тесная прихожая вела в гостиную, на кухню и на лестницу.

Она медленно обошла первый этаж и поднялась наверх.

Одна из комнат второго этажа явно служила кладовкой. Дверь другой была чуть приоткрыта.

Она тихонько открыла ее и услышала звук человеческого дыхания.

На кровати темнел человеческий силуэт.

Это была Розелина. Она спала в одежде, съежившись в позе зародыша. Мириам огляделась в поисках пузырьков с лекарствами. Их не было.

Она медленно вышла из комнаты и спустилась по лестнице.

Открыла дверь и едва удержала испуганный вскрик.

Дверной проем загораживала массивная мужская фигура. Мириам отступила на шаг, и мужчина надвинулся на нее. Протянул руку в сторону, и прихожую залил безжалостный яркий свет.

Мужчина оказался не таким здоровяком, как ей почудилось, хотя был высок и крепко сложен. И не скрывал своего недовольства.

– Что вы тут делаете? – сухо спросил он.

– Я начальница Розелины, – ответила Мириам. – Сегодня на работе ей стало нехорошо, и я за нее волновалась. А сейчас проезжала мимо, была тут в гостях неподалеку, и решила ее проведать.

Она видела, что он не поверил ни единому слову. Смотрел на нее холодным изучающим взглядом, словно прикидывал, что теперь с ней делать. Ей вдруг стало страшно.

– Это она вам сказала, что ей нехорошо? – спросил он.

– Нет, я сама догадалась, – ответила она. – Она мне ничего не говорила.

Его лицо немного расслабилось. Каким-то шестым чувством она поняла, что ответила правильно.

Внезапно он ей улыбнулся. Таких фальшивых улыбок ей еще не приходилось видеть никогда. Мужчина не был уродом – напротив, мог бы сойти за красавца, но при виде его улыбки ее передернуло от отвращения.

– Извините, – добавил он, – за это маленькое недоразумение. Вы меня немного напугали. Я не ждал гостей. Розелина в это время обычно уже спит. Могу угостить вас чашкой кофе.

– Спасибо, – поблагодарила она, – но уже поздно и мне пора домой. Это вы меня извините за вторжение. Всего доброго.

Она протиснулась мимо него и забралась в машину.

На обратном пути она мчалась что есть мочи, как будто спасалась бегством. Дорога была пустынной, только далеко позади маячили фары мотоцикла – очевидно, какой-то рабочий возвращался домой после ночной смены.

В постели она долго ворочалась без сна. Перед глазами вставала скрюченная фигурка женщины, заснувшей как была, не раздеваясь, и от этой картины веяло такой глубокой печалью, что у Мириам сжималось сердце. Почему мужчину так интересовало, жаловалась ли ей Розелина? И почему он так явно успокоился, когда она убедила его, что нет, не жаловалась? В голову лезли тысячи объяснений, но ни одно ее не устраивало.

Кажется, в кладовке на первом этаже ее глаз зацепился за какой-то предмет, но она никак не могла вспомнить, за какой именно. И вдруг ее осенило. Это была сломанная детская кроватка. А ведь в доме не было никакого ребенка. Откуда же она там взялась?

Глава 12

Начавшись столь многообещающе, рабочий день Мартена чем дальше, тем больше оборачивался сплошными разочарованиями. И вдруг снова подарил надежду.

Вместе с Жаннеттой и вернувшимся из отпуска Оливье они, проанализировав собранные сведения, попытались набросать портрет преступника.

Потом обсуждали, почему он наступил жертве на мизинец.

Все сошлись на том, что он хотел забрать болт, но по неизвестной причине запаниковал и убежал с места преступления в обратном направлении, а по пути наступил на руку убитой женщины.

Вот это обратное направление не нравилось Мартену больше всего. Если уж убегать, так не от оживленного проспекта, начинавшегося чуть дальше, а как раз к нему.

Может, его что-то спугнуло? Например, случайный прохожий, не оставивший ему выбора? Это соображение высказал Оливье. Поначалу оно им приглянулось, но по зрелом размышлении они пришли к выводу, что это нелогично.

Прохожий обнаружил бы тело и вызвал полицию. А на самом деле на него лишь полчаса спустя наткнулась старушка.

Мартен решительно отверг эту версию, и Жаннетта его поддержала. Что-то они упустили.

Весь вопрос в том, что именно.

У Мартена забрезжила смутная догадка, но его сбила с мысли Жаннетта, обратившая внимание на странное совпадение. Преступник, предположительно, работает на заводе, выпускающем оборудование для бассейнов. Убитая женщина тоже направлялась в бассейн. К тому же он украл у нее спортивную сумку.

Мартен признал, что совпадение действительно имеет место, но выжать из него что-либо не представляется возможным, пока не будет получена дополнительная информация.

Жаннетта решила, что займется сбором данных по бассейну – или по бассейнам, – который посещала жертва. Проводились ли там ремонтные работы? Когда именно? Какие фирмы принимали в них участие? Были ли у убитой конфликты с тренером? Не был ли там замечен вуайерист? Имелись ли случаи нападения на других женщин на выходе из указанного бассейна – или бассейнов? Она сделала себе пометку: навести справки в полицейских участках.

Мартен с Жаннеттой потратили немало времени на обсуждение предположений психолога. Жаннетта не разделяла ее мнения относительно исчезнувших вещей убитой. Если убийца наблюдал за жертвой, пока та плавала в бассейне, то вполне мог украсть ее купальник, заинтересовавшись им как фетишем. В качестве эротического заменителя купальник ничуть не хуже трусов.

В их спор вмешался Оливье, заявивший, что никогда не расстается с трусами своей подружки; Жаннетта обозвала его мачо и говнюком, и между ними мгновенно вспыхнула привычная ссора.

Мартен допускал, что в рассуждениях Жаннетты есть здравое зерно, но все-таки что-то его смущало, вот только он никак не мог сообразить что.

И только дома он вдруг понял, что в этой версии не клеится.

Способ убийства. Чудовищно холодный и напрочь лишенный сексуального подтекста. Так убивает снайпер. Если отвлечься от того обстоятельства, что преступник прибегнул к экзотическому оружию, то это больше напоминало казнь. Убийца прикоснулся к жертве только по неосторожности – да и то не прикоснулся, а наступил кованым каблуком. У Мартена забрезжила догадка, почему он остановил свой выбор на арбалете. Во-первых, потому что умел с ним обращаться. Во-вторых, потому что знал: проследить за происхождением оружия будет невозможно, особенно если он смастерил его своими руками, как смастерил болт. Наконец, у него вполне мог быть еще один мотив, возможно подсознательный, заставивший его пойти на такой риск, как убийство. Надо бы обсудить это с психологиней.

Не исключено, что, используя для изготовления снаряда специальную “бассейновую” резину, преступник совершил ошибку. Впрочем, не факт.

Возможно, он сделал это нарочно, чтобы сбить следствие со следа. И купальник унес по той же причине. Разумеется, такую резину не купишь в первом попавшемся магазине, но при минимуме изобретательности разжиться ею не проблема. А изобретательности преступнику хватало.

И все же. Почему он не ушел вперед, а вернулся назад? Этого Мартен понять не мог.

Он соорудил себе яичницу из четырех яиц, полил ее кетчупом и табаско, выложил на тосты и поужинал.

Он сознавал, что поглощает слишком много яиц – чуть ли не каждый день, но его вполне устраивала подобная пища – сытная, питательная, а главное, не

требовавшая особой возни. К тому же, если ему случалось по забывчивости не убрать яйца в холодильник, можно было не опасаться, что на кухне начнет вонять моргом, – чего не скажешь про мясо.

Он позволил своим мыслям течь свободно. Надо постараться думать не об убийстве, а о чем-нибудь другом. Тогда смутная догадка, мелькнувшая в мозгу, оформится в нечто связное. К сожалению, на ум приходило лишь то самое “другое”, что он со вчерашнего дня напрасно пытался выбросить из головы.

Он открыл бутылку пива и сделал пару глотков из горлышка. Зачем Мириам сказала, что собирается замуж? Вначале он ей не поверил. Но ночью, ворочаясь без сна, он снова и снова вспоминал ее слова – раз, два, сотню раз – и к утру почти убедил себя, что она ему не лгала. Его так и подмывало позвонить ей, но в последний момент он отдергивал руку от телефона. Отчасти из гордости, отчасти из страха, что наговорит лишнего.

После развода они часто виделись, иногда спали вместе. Скорее редко – два-три раза в месяц. Если она действительно выходит замуж, это означает, что в ее жизни появился другой мужчина. Следовательно, на протяжении какого-то времени она спит с ними обоими.

Что до самого Мартена, то он, расставшись с Мириам, переспал всего с двумя женщинами. Первой была коллега из провинции, разведенная, как и он. В Париж ее привело очередное расследование, Мартен помог ей кое-какими советами, и в конце концов они оказались в постели. В первую ночь все прошло отлично, во вторую – чуть хуже. И они по обоюдному согласию решили, что продолжать не стоит.

Второй была журналистка, явившаяся брать у него интервью о работе следователя по уголовным делам – не только для статьи, но и для книги, которую позже намеревалась написать. Постепенно их беседа коснулась более личных тем, Мартен рассказал ей, что недавно развелся, она в свою очередь поделилась с ним подробностями своей жизни (недостатка в любовниках она не испытывала, но ни с кем не поддерживала прочных отношений). Они встречались трижды и на третий раз ночь провели вместе. Опыт оказался возбуждающе приятным. Они стали видеться чаще, потом еще чаще, и их связь готова была перерасти в полноценный роман, когда Марион по заданию

редакции уехала в длительную зарубежную командировку. Ни он, ни она не заговаривали о том, что будет, когда она вернется. Во всяком случае, не то что женитьбу, но даже возможность жить вместе они никогда всерьез не обсуждали.

Вспоминая обе эти истории, особенно вторую, он вдруг сообразил, что про коллегу из провинции он Мириам рассказывал, а про Марион – нет. Почему? Трудно сказать. А вот интересно, готов ли он жениться на Марион, если – что маловероятно – она того пожелает? Честно говоря, нет, не готов. Но может быть, теперь, когда он окончательно потеряет Мириам, ситуация изменится? Да нет, пожалуй. Он ни на ком не хотел жениться. Однако справедливость требовала признать, что он скучал по Марион, часто думал о ней и с нетерпением ждал ее возвращения, хотя и гнал от себя эти мысли.

Размышления вынудили его открыть вторую бутылку пива, которую он опустошил одним махом.

Чего же он хочет на самом деле? Сам-то он это знает? Конечно. Он хочет, чтобы Мириам не выходила замуж. А если ради этого придется снова съехаться с ней и расстаться с Марион? На этот вопрос у него не было ответа. Черт, сколько сложностей.

Пиво каким-то мистическим образом испарилось из бутылки, и он открыл новую. Подумаешь, всего-то третья. Или уже четвертая? А, плевать. Он выпил пиво и открыл четвертую бутылку. Или пятую? К нему понемногу возвращалось хорошее настроение, хотя тревожившие его заботы полностью так и не отступили.

Проснулся он около пяти часов утра с дикой головной болью. Виски, лоб, затылок ныли, словно стянутые тугим обручем. Он лежал на кровати полуодетый.

Мартен поплелся в душ и долго стоял под струями воды. Приведя себя в порядок, сжевал пару тостов без масла (масло кончилось еще вчера), проглотил таблетку витаминизированного аспирина, провел ревизию кухонных шкафов и холодильника, составил список необходимых покупок и вышел из дому.

Машину он припарковал в нескольких метрах от угла той улочки, где произошло убийство, неподалеку от входа в метро.

Головная боль утихла, и он с наслаждением втянул в себя свежий утренний воздух.

Он пошел той же стороной улочки, какой шла убитая женщина. Шагов через десять остановился и оглянулся. Он был здесь один. Кровь с тротуара почти всю смыли, как и отметки, сделанные криминалистами. Зато меловые следы на стене, едва заметные в неярком утреннем освещении, никуда не делись.

Он вернулся к машине, сел за руль и поехал по улочке. Она была такой узкой, что двум автомобилям здесь было не разъехаться.

Мартен притормозил возле стены и вскарабкался на крышу машины.

По ту сторону забора земля шла под уклон. Разница составляла добрых три с половиной метра. Участок, изрытый строительными машинами, видневшимися в дальнем конце, пестрел неровностями и ямами. Если бы убийца спрыгнул сюда со стены, он наверняка сломал бы себе ногу – если только он не чемпион по прыжкам и не супертренированный боец спецназа. Или он воспользовался веревкой? Нет, на стене не было ни одного выступа, за который можно было бы зацепиться. Кошки? Парень, стреляющий из арбалета, вполне способен притащить с собой кошки. Хотя нет. Он же шел по улице… Или?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/aleksis-lekey/chervonnaya-dama/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksis-lekey/chervonnaya-dama-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить